

Журнал выходит 4 раза в год.

Адреса электронной почты редакторов *AI*:

И. В. Герасимов (Отв. Ред.): office@abimperio.net

С. В. Глебов (США и Канада): ai_us@abimperio.net

А. П. Каплуновский (Западная Европа): akapluno@yahoo.de

М. Б. Могильнер (Россия и СНГ): marina@abimperio.net

А. М. Семенов (Центральная и Восточная Европа): semyonov@abimperio.net

Почтовый адрес редакции:

И. В. Герасимов, *Ab Imperio*

420015 г. Казань, А/Я 157

Электронная страница журнала <http://abimperio.net>

© *Ab Imperio* и авторы статей и иных опубликованных материалов, 2015.

Материалы журнала рецензируются в **Scopus**, **Historical Abstracts** и

American Bibliography of Slavic and East European Studies.

Ab Imperio включен в Российский индекс научного цитирования (**РИНЦ**) и

имеет индекс **INT1** в European Reference Index for the Humanities (**ERIH**).

Номер издан при финансовой поддержке

фондов Института открытого общества

По поводу подписки на *AI* обращайтесь в редакцию.

ISSN: 2166-4072 (print)

ISSN: 2164-9731 (online)

ISBN: 978-5-89423-110-5

The journal is published four times a year.

Ab Imperio is an affiliated journal

of the **Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies**

Electronic addresses for editorial correspondence:

Dr. Ilya Gerasimov (Executive Editor): office@abimperio.net

Dr. Serguei Glebov (USA and Canada): ai_us@abimperio.net

Dr. Alexander Kaplunovski (Western Europe): akapluno@yahoo.de

Dr. Marina Mogilner (Russia and NIS): marina@abimperio.net

Dr. Alexander Semyonov (Central and Eastern Europe): semyonov@abimperio.net

Postal address:

Dr. Ilya Gerasimov, *Ab Imperio*

P.O. Box 157, Kazan 420015 Russia

Please visit the *Ab Imperio* Home Page at <http://abimperio.net>

Each contribution copyright © 2015 *Ab Imperio* and its author. All rights reserved.

Articles appearing in this journal are abstracted and indexed in **Historical Abstracts**,

Scopus, and **American Bibliography of Slavic and East European Studies**.

Ab Imperio is rated **INT1** in the European Reference Index for the Humanities

(**ERIH**) and included into the **Russian Science Citation Index**.

AI is also available online through **Project MUSE** and

Historical Abstracts with Full Text.

Production of this issue is supported in part
by a grant from the **Open Society Foundations**

Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space

AB IMPERIO

Исследования по новой имперской истории и национализму
в постсоветском пространстве

РЕДАКЦИЯ EDITORS

Илья В. ГЕРАСИМОВ

Ilya V. GERASIMOV

Сергей В. ГЛЕБОВ

Serguei V. GLEBOV

Александр П. КАПЛУНОВСКИЙ

Alexander P. KAPLUNOVSKI

Марина Б. МОГИЛЬНЕР

Marina B. MOGILNER

Александр М. СЕМЕНОВ

Alexander M. SEMYONOV

Литплавка и корректура

Style Editing and Proofreading

Мария НОВАК

Maria NOVAK

Инна ХАРИТОНОВА

Inna KHARITONOVA

Тереза М. МАЛХАМИ

Therese M. MALHAME

1/2015

www.abimperio.net

Идея Аллы Зейде
The initial idea of Alla Zeide

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL BOARD

- Борис АНАНЬИЧ** (Санкт-Петербургский Институт
российской истории РАН, Россия)
- Jörg BABEROWSKI** (Humboldt University, Germany)
- Seymour BECKER** (Rutgers University, USA)
- Rogers BRUBAKER** (UCLA, USA)
- Mark von HAGEN** (University of Arizona, USA)
- Geoffrey HOSKING** (University of London, UK)
- Miroslav HROCH** (Charles University, Czech Republic)
- Ярослав ГРИЦАК** (Інститут історичних досліджень Львівського
національного університету імені Івана Франка, Україна)
- Peter GATRELL** (University of Manchester, UK)
- Искандер ГИЛЯЗОВ** (Казанский федеральный университет, Россия)
- Andreas KAPPELER** (University of Vienna, Austria)
- Maria KOVACS** (CEU, Hungary)
- Jan KUSBER** (Mainz University, Germany)
- Dieter LANGEWIESCHE** (Tübingen University, Germany)
- Kimitaka MATSUZATO** (The University of Tokyo, Japan)
- Alfred RIEBER** (CEU, Hungary)
- William ROSENBERG** (University of Michigan, USA)
- Darius STALIŪNAS** (Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania)
- Yuri SLEZKINE** (University of California at Berkeley, USA)
- Ronald SUNY** (University of Michigan, USA)
- Richard WORTMAN** (Columbia University, USA)
- Serhy YEKELCHYK** (University of Victoria, Canada)

Volodymyr MASLIICHUK, Candidate of Sciences in History, Executive Editor, Web Portal historians.in.ua, Kharkov, Ukraine. masliychuk@gmail.com

Olga MASTIANICA, Ph.D. in History, Research Fellow, Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lithuania. mastianica@gmail.com

Anna MATOCHKINA, Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Lecturer, Chair for Oriental Philosophy and Cultural Studies, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. annamatochkina@yandex.ru

Zita MEDIŠAUSKIENĖ, Dr. in History, Research Fellow, Deputy Director, Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lithuania. zita.medisauskiene@gmail.com

Alexandr OSIPIAN, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Chair for History and Cultural Studies, Kramatorsk Institute of Economics and Humanities, Kramatorsk, Ukraine. agricolae_ua@yahoo.com

Madeleine REEVES, Ph.D., Lecturer in Social Anthropology, Department of Social Anthropology, The University of Manchester, UK. Madeleine.Reeves@manchester.ac.uk

Sebastian RIMESTAD, Ph.D., Research Fellow, Chair of Orthodox Christianity, Faculty of Philosophy, University of Erfurt, Germany. sebastian.rimestad@uni-erfurt.de

Dmitry SHEVCHUK, Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, The National University of Ostroh Academy, Ostroh, Ukraine. dshevchuk@gmail.com

Darius STALIŪNAS, Ph.D. in History, Research Fellow, Deputy Director, Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lithuania. staliun@takas.lt

Andrey TUTORSKIY, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Chair for Ethnology, History Department, Moscow State University, Moscow, Russia. tutorski@mail.ru

Josephine von ZITZEWITZ, Ph.D., Research Fellow, Department of Slavonic Studies, University of Cambridge, UK. jhfv2@cam.ac.uk

Serhy YEKELCHYK, Associate Professor, Department of History, University of Victoria, Victoria, Canada. serhy@uvic.ca

Larissa ZAKHAROVA, Ph.D., Associate Professor, School for Advanced Studies in the Social Sciences, Paris, France. larisazakharova@gmail.com

Andriy ZAYARNYUK, Assistant Professor, Department of History, the University of Winnipeg, Manitoba, Canada. a.zayarnyuk@uwinnipeg.ca

Дарюс СТАЛЮНАС

**В ПОИСКАХ ЛИТОВСКОЙ ЛИТВЫ:
ЛИТОВСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРОЦЕСС
КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ (ДО 1914 Г.)***

Йозас Габрис (*Juozas Gabrys*) – литовский общественный деятель, внесший, пожалуй, наибольший вклад в интернационализацию литовского вопроса перед первой мировой войной, в воспоминаниях описывает историю о том, как при поступлении в Сорбонну в 1911 г. его хотели записать русским. Избежать этого удалось лишь благодаря висевшей на стене карте Европы – на карте маленькими буквами было написано *Lithuanie*. Так напротив фамилии Габриса рядом с записью *sujet russe* появилась дополнительная – *nationalite lithuanienne*.¹ В данном случае не столь важно, эта история – правда или плод фанта-

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Института истории Литвы “Ментальные карты и национальное культурное пространство: случай Литвы” (*Mentaliniai žemėlapiai ir nacionalinė erdvėkūra: Lietuvos atvejis*) (VP1-3.1-ŠMM-07-K-03-005). Проект финансируется Программой развития человеческих ресурсов Европейского социального фонда, инструмент “Поддержка научной деятельности ученых и других исследователей (Общественная дотация)” 3-го приоритета “Развитие способностей исследователей”. Автор выражает благодарность трем рецензентам и редакции журнала за ценные замечания.

¹ Eberhard Demm und Christina Nikolajew (Hgs.). Auf Wache für die Nation. Erinnerungen. Der Weltkriegsagent Juozas Gabrys berichtet (1911–1918). Frankfurt am Main, 2013. S. 24-25.

зии Й. Габриса. В любом случае, она позволяет понять, какую задачу ставили перед собой деятели национальных движений недоминантных национальных групп: создание географического образа “национальной территории”, внедрение его в сознание национализируемых масс и ознакомление с ним международной общественности. Карты служили важным инструментом достижения поставленной цели.

Проблема описания национальной группы через территориальное воображение вписывается в контекст так называемого “пространственного поворота” (*spatial turn*), ярче всего проявившегося в немецкой гуманитарной науке.² Одним из главных вдохновителей этого направления был Анри Лефевр (*Henri Lefebvre*), утверждавший, что (социальное) пространство не существует само по себе, оно создается при помощи трех процессов: “пространственной практики” (*spatial practice*), “пространственных репрезентаций” (*representations of space*, включающих в себя карты, рисунки, тексты, планы и т. д.) и “репрезентативных пространств” (*spaces of representation* – объекты, имеющие более общее символическое значение).³ Составной частью “пространственного поворота” является “топографический поворот” (*topographical turn*), в котором больше всего внимания уделяется техническому аспекту пространственной репрезентации, т. е. созданию карт,⁴ которые в интерпретации постмодерной географии всегда рассматриваются как инструменты влияния (как указывает Джон Брайен Харли, карты всегда представляют избирательную картину мира, они никогда не бывают нейтральными).⁵ Пространственная разметка этнического разнообразия Центральной и Восточной Европы при помощи карт совсем недавно стала предметом исследования Стивена Сигела (*Steven Seegel*).⁶

² Frithjof Benjamin Schenk. Der “spatial turn” und die Osteuropäische Geschichte // Н-Soz-Kult. 01.06.2006. <http://www.hsozkult.de/article/id/artikel-736>.

³ Интерпретацию теории Лефевра см.: Christian Schmidt. Henri Lefebvre’s Theory of the Production of Space: Towards a Three-dimensional Dialectic // Kanishka Goonewardena, Stefan Kipfer, Richard Milgrom, Christian Schmidt (Eds.). *Space, Difference, Everyday Life. Reading Henri Lefebvre*. New York and London, 2008. Pp. 27-45.

⁴ Doris Bachmann-Medick. *Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. Reinbek, Hamburg and Berlin, 2007. S. 299.

⁵ “Maps are preeminently a language of power, not of protest”: J. B. Harley. *Maps, Knowledge, and Power* // Denis Cosgrove and Stephen Daniels (Eds.). *The Iconography of Landscape. Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments*. Cambridge, 1988. P. 301.

⁶ Steven Seegel. *Mapping Europe’s Borderlands. Russian Cartography in the Age of Empire*. Chicago, 2012.

В контексте “пространственного поворота”, а также под влиянием когнитивной психологии, в гуманитарных науках появилось много работ, посвященных так называемым ментальным картам.⁷ Исследователи интересуются тем, какие факторы формируют пространственное воображение элит, по каким культурным каналам распространяются эти образы, и какое влияние они оказывают на сплочение национальных групп. Тематами исследований историков, культурологов и социологов становятся такие привычные (но с трудом поддающиеся точной пространственной локализации) географические понятия, как “Восток”, “Балканы”, “Центральная Европа”, “Восточная Европа” и т.д.⁸ Большинство исследователей согласны с тем, что эти территориальные образы не являются нейтральными географическими терминами, они содержат идеологический подтекст и используются как инструменты влияния.

Роль территориального воображения признается и исследователями национализма, особенно в традиции, связанной с именем Энтони Смита и журналом *National Identities*, подчеркивающей важность территориальности (*territoriality*) в формировании идеологии идентичностей. Смит полагает, что эти идеологии выполняют двоякие функции: “внутренние” (социализация национально индифферентных масс⁹) и “внешние” (в том числе и определение “национальной территории” или “геотела” (*geo-body*)¹⁰ конкретной нации). Нельзя помыслить модерную нацию, если у нее нет “своей”, “исторической”, “святой” территории.¹¹

Судя по всему, процесс воображения “национальной территории” происходит примерно так же, как воображение нации.¹² Немецкий историк Питер Гаслингер (*Peter Haslinger*) утверждает, что “воображаемая

⁷ Frithjof Benjamin Schenk. *Mental Maps: Die Konstruktion von geographischen Räumen in Europa seit der Aufklärung // Geschichte und Gesellschaft: Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft*. 2002. Bd. 28. S. 493-514.

⁸ Edward Said. *Orientalism*. New York, 1979; Larry Wolff. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, 1994; Maria Todorova. *Der Balkan als Analysekategorie: Grenzen, Raum, Zeit // Geschichte und Gesellschaft*. 2002. Bd. 28. H. 3. S. 470-492.

⁹ См.: Tara Zahra. *Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis // Slavic Review*. 2010. Vol. 69. No. 1. Pp. 93-119.

¹⁰ Thongchai Winichakul. *Siam Mapped. A History of the Geo-Body of a Nation*. Honolulu, 1994. P. x.

¹¹ David H. Kaplan and Guntram H. Herb. *How Geography Shapes // National Identities, National Identities*. 2011. Vol. 13. No. 4. P. 349.

¹² Michael Billig. *Banal Nationalism*. London, 1995. P. 74.

территория” (*imagined territory*) теоретически может оказаться более стабильной, чем воображаемое сообщество (*imagined community*).¹³ Проблема определения “своей” “национальной территории” уже стала объектом многих исследований, посвященных нациестроительству в Центральной и Восточной Европе.¹⁴

Эта статья – попытка реконструировать формирование литовского географического образа Литвы в позднеимперский период. В центре нашего внимания окажутся национализирующие элиты, а не национализируемые массы, о ментальных картах которых из-за скудости источников историку судить трудно.

Для нас важно проследить, во-первых, как, в каких границах литовская интеллигенция воображала литовскую “национальную территорию”. Вариативность предлагавшихся проектов свидетельствовала бы о несостоятельности примордиалистского представления о неизбежности “национальной территории”.

Во-вторых, необходимо деконструировать аргументацию, при помощи которой формулировались претензии на “свою” “национальную территорию”. В исторической литературе уже не раз обращалось внимание на то, что эта аргументация применялась избирательно и ситуативно. Наиболее наглядно в этом можно убедиться на хорошо изученном примере создания польских ментальных карт конца XIX – начала XX века. Претензии на “западные окраины” польские националисты обосновывали в значительной степени при помощи этнографических аргументов,¹⁵ в то время как в случае с восточными “окраинами” этнографический аргумент не только не приводился, но в принципе отбрасывался как нелегитимный.¹⁶ В этой статье мы

¹³ Peter Haslinger. *Nation und Territorium im tschechischen politischen Diskurs 1880–1938*. München, 2010. S. 31.

¹⁴ Helen Schmitt. *No Border, No Nation? Raumkonzepte im Nationalisierungsprozess von Letten und Finnen // Neues Osteuropa*. 2010. H. 1. S. 9-25; Peter Haslinger. *Nation und Territorium im tschechischen politischen Diskurs 1880–1938*. München, 2010; Anton Kotenko. *The Ukrainian Project in Search of National Space, 1861–1914* / PhD dissertation; Central European University, Budapest, 2013.

¹⁵ Roland Gehrke. *Der polnische Westgedanke bis zur Wiedererrichtung des polnischen Staates nach Ende der Ersten Weltkrieges. Genese und Begründung polnischer Gebietsansprüche gegenüber Deutschland im Zeitalter des europäischen Nationalismus*. Marburg, 2001. S. 356-358.

¹⁶ Leon Wasilewski. *Współdziałanie czy walka? // Gazeta wileńska*. 1906. No. 87; Leon Wasilewski. *Litwa i Białoruś. Przeszość-teraźniejszość-tendencje rozwojowe*. Kraków, 1912. S. 78-80, 85.

попытаемся показать, что литовская ментальная карта и, конкретно, критерии, помогавшие литовской интеллигенции определять границы “национальной” Литвы, конструировались в диалоге с имперским и другими национальными дискурсами.

В-третьих, необходимо понять “язык”, на котором литовская интеллигенция описывала “национальную территорию”. Следуя за Роджерсом Брубейкером (*Rogers Brubaker*), мы должны будем выяснить, какие культурные идиомы, или, в более узком смысле – национальные идиомы (*idioms of nationhood*) легли в основу литовской национальной идентификации,¹⁷ и как они повлияли на стратегию воображения “национальной территории”. Кроме того, мы попытаемся оценить влияние других политических тропов (например, рассуждений в стиле *Realpolitik*) на воображение национального “геотела”.

Задача, которую решала литовская интеллигенция конца XIX – начала XX в., не отличалась от задачи, перед которой стояли и другие национализмы недоминирующих национальных групп. Перефразируя Юджина Вебера, ее можно сформулировать следующим образом: как превратить крестьян в литовцев? Конечно, крестьяне “знали”, что они литовцы (или жемайты), но эта литовскость была политически индифферентной. К тому же, не менее важным являлось самовосприятие именно как крестьян, жителей определенного уезда или исторической местности, и католиков (или протестантов). Все эти идентичности сосуществовали и доминировали в зависимости от обстоятельств. Литовскость была лишь одной из составляющих этой сложной и динамичной идентичности. Для национального проекта требовалось, чтобы в иерархии лояльностей этническая идентификация стала главной, к тому же обеспечивающей возможность политической мобилизации. Иными словами, “конструирование” литовской нации не означало буквального “изобретения” литовскости, которая ощущалась самым непосредственным образом, в том числе в смысле особой духовной и материальной культур. Речь шла о приспособлении этой многообразной литовскости для совершенно другого типа группности – современной политической нации, отлича-

¹⁷ Национальные идиомы, согласно Р. Брубейкеру, – способы мышления и высказывания. Эти способы могут значительно различаться (так, во Франции они более ориентированы на государство, гражданскую нацию, в Германии подчеркиваются этнокультурные ценности). Культурные идиомы, в отличие от идеологических, характеризуются “долговечностью, большей анонимностью и меньшей скрытностью”. См.: Rogers Brubaker. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, MA, 1994. Pp. 14, 16, 162-163.

ющей стандартизированным представлением о критериях общности и ее границах (как социально-культурных, так и пространственных).

С появлением в 1883 г. газеты “Аушра” (“Заря”) литовская интеллигенция начинает систематическую работу по созданию современной литовской нации, основанной на заочном членстве в политическом сообществе.¹⁸ На рубеже веков (символической датой можно считать 1896 г., когда в литовском национальном движении происходит политическая фрагментация) начинается политизация этого движения, выразившаяся в формулировании политической цели, ориентированной на территориальную самостоятельность. Именно это время некоторые историки считают началом массового литовского движения,¹⁹ что на наш взгляд не очевидно. Скорее, революция 1905 года стала тем моментом, когда действительно широкие массы крестьянского населения включились в литовское национальное движение.²⁰

Анализ процесса оформления национального пространства мы начнем с начального – неполитического – этапа литовского национального движения, но наибольшее внимание уделим так называемому политическому периоду, когда литовские политические партии включили в свои программы требование территориальной автономии Литвы (а в перспективе и создания независимого государства). Эта политическая цель неизбежно ставила перед литовскими националистами задачу как можно точнее обозначить контуры Литвы. Соответственно, наша задача в статье – изучить дискурсивные практики литовского национализма, направленные на конструирование границ воображаемой (политическими и общественными деятелями) Литвы. Последний раздел статьи посвящен стратегиям внедрения этого образа в массовое сознание. Реакция масс на эти усилия – тема отдельной работы.

¹⁸ Отчасти можно согласиться с утверждением литовского историка Антаса Кулакаускаса, что такая агитация началась уже в 1820-е гг. (Antanas Kulakauskas. Apie tautinio atgimimo sąvoką, tautinių sąjūdžių epochą ir lietuvių tautinį atgimimą // Lietuvių atgimimo istorijos studijos (далее LAIS). Т. 1: Tautinės savimonės žadintojai: nuo asmenų iki partijos. Vilnius, 1990. Pp. 132-142), но эта агитация не была систематической, и к тому же она прекратилась после 1863 г.

¹⁹ Там же. P. 142.

²⁰ Томас Балкелис полагает, что литовское национальное движение стало массовым только во время первой мировой войны: Tomas Balkelis. The Making of Modern Lithuania. London and New York, 2009. Мои контраргументы приводятся в: Darius Staliūnas. About Some Dissertations Devoted to the Lithuanian National Movement Defended at Foreign Educational Institutions // Lithuanian Historical Studies. 2012. Vol. 17. Vilnius, 2013. Pp. 169-185.

Настоящее исследование опирается не только на широкий круг первичных источников (прежде всего, литовскую периодическую рассматриваемого периода и другую печатную литературу), но и на историографию. В последнее время вышли значимые работы, посвященные анализу литовского культурного пространства в дополитический период так называемого национального возрождения,²¹ эволюции понятий “жемайт” и “литовец”,²² а также усилиям литовской интеллигенции по созданию и распространению карт, отображающих Литву.²³ Еще один разработанный в историографии сюжет, актуальный для нашего исследования, – вариации пространственного восприятия Литвы в различных литовских политических течениях.²⁴ Отдавая должное этим работам, мы утверждаем, что, несмотря на идейные разногласия, литовские политики начала XX в. моделировали пространственное понимание Литвы на основании неких общих принципов. В то же время, мы оспариваем тезис о том, что Литва воображалась в границах четырех губерний.²⁵

Литовская национальная самоидентификация

В силу политического и идеологического разнообразия литовского национального движения рассматриваемого периода, краткое описание

²¹ Paulius Subačius. *Lietuvių tapatybės kalvė. Tautinio išsivadavimo kultūra*. Vilnius, 1999.

²² Giedrius Subačius. *Žemaičių mąstymo apie bendrinę kalbą istorijos metmenys // Metmenys. No. 72*. Chicago, 1997. Pp. 125-148; Paulius Subačius. *Antanas Baranauskas apie žemaitišką ir lietuvišką tapatybę // Žemaičių istorijos virsmas iš 750 metų perspektyvos*. Vilnius, 2004. Pp. 183-189; Petras Kalnietis. *Žemaičiai. XX a. – XXI a. pradžia*. Vilnius, 2012. Pp. 54-68.

²³ Vytautas Petronis. *Constructing Lithuania: Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914*. Stockholm, 2007.

²⁴ Rimantas Miknys. *Lietuvos demokratų partija 1902–1915 metais*. Vilnius, 1995; Egidijus Motieka. *Didysis Vilniaus seimas*. Vilnius, 1996; Rimantas Miknys, Darius Staliūnas. *Das Dilemma der Grenzen Litauens am Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts // Y. Varpio und M. Zadencka (Hgs.). Landschaft und Territorium. Zur Literatur, Kunst und Geschichte des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts im Ostseeraum: Finnland, Estland, Lettland, Litauen und Polen*. Stockholm, 2004. S. 196-215.

²⁵ Česlovas Laurinavičius. *Lietuvos-Sovietų Rusijos taikos sutartis (1920 m. liepos 12 d. sutarties problema)*. Vilnius, 1992. Pp. 98, 103; Česlovas Laurinavičius. *Moderniųjų lietuvių raida nuo kalbinės link teritorinės bendruomenės // Epochas jungiantis nacionalizmas: tautos (de)konstravimas tarpukario, sovietmečio ir posovietmečio Lietuvoje / Sud. Č. Laurinavičius*. Vilnius, 2013. Pp. 22-23; E. Gimžauskas. *Pirmasis pasaulinis – didysis “tautų vadavimo” karas. Ką jis reiškė Lietuvai? // Lietuvos istorija*. 2013. T. X. No. 1. Pp. 66-67.

различий в определении сути литовской идентичности оказывается достаточно непростой задачей. И все же можно выделить определенные доминирующие “идиомы народности”.

В литовской историографии принято делить литовских политиков конца XIX – начала XX в. на две группы: правых (консерваторов) и левых (радикалов).²⁶ Это деление весьма условно, особенно в том случае, когда мы говорим о понимании литовской идентичности в данный период. Достаточно часто деятели различных литовских политических направлений объединяли силы для совместной работы (например, при издании периодики: “Aušra”, “Vilniaus žinios”); кроме того, различия в понимании национальной идентичности, как будет продемонстрировано ниже, часто не были столь существенными.²⁷ Исключением может считаться только часть социал-демократов, для которых этнонациональная идентификация была менее важна, чем социальная, но и в этом случае речь идет не обо всех представителях этого политического направления.

В начале XX в. в текстах литовских общественных деятелей можно встретить размышления, идеально отвечающие определению гражданской нации:

Тот, кто признает Литву своей родиной, считает своей литовскую историю, живет в этом краю со стародавних времен – тот литовец, хорошо он знает литовский язык или совсем его не понимает.²⁸

Руководствуясь логикой приведенной цитаты, мы должны были бы предположить, что редакция издаваемой в Вильнюсе первой литовскоязычной ежедневной газеты “Vilniaus žinios” (Новости Вильнюса) считала лояльность Литве как историческому (и, потенциально, политическому) образованию важнейшим признаком современной литовской национальной идентичности. Несмотря на то, что можно привести достаточно большое количество похожих цитат, они не отражают доминировавшей точки зрения лидеров литовского национального движения.

²⁶ Правые отдавали предпочтение мирным методам, допускали политическое сотрудничество с дворянством и рассматривали Российскую империю в качестве естественного контекста их деятельности. Левые предпочитали революционные методы борьбы, ратовали за радикальные социальные реформы.

²⁷ Различия между правым и левым флангами литовского национализма действительно являются основополагающими, если речь идет о политической тактике и политической стратегии.

²⁸ Vilnius, 21 gr. // Vilniaus žinios. 1904. No. 12. P. 1.

Уже в первой нелегальной газете “Aušra” (1883–1886) литовская интеллигенция очень ясно указала основной отличительный признак современной литовской идентичности – язык.²⁹ Позже в той или иной риторической форме эта мысль повторялась много раз в самых разных контекстах.³⁰ Такое понимание модерной литовской идентичности доминировало на протяжении всего обсуждаемого периода (как, впрочем, и позднее). Наверное, наиболее образно его сформулировал будущий президент Литвы Антанас Сметона:

Так или иначе, понятие старых наций, выводимое от родного края, исчезает. На его место приходит общество, выводимое из отдельности языка. И в этом, похоже, историческая Литва замещается Литвой этнографической. ... Для нас современная Литва уже не шесть, но только три губернии, и ее границы простираются вдале лишь настолько, насколько указывают живые знаки нашего языка.³¹

Это – языковое – понимание нации хорошо работало как интегрирующий [литовский народ] инструмент, но в литовском случае оно порождало и немало проблем. Имитируя другие национализмы, лидеры литовского национального движения моделировали нацию “полной социальной структуры”, состоящей не только из крестьян, но и из других социальных групп, прежде всего – дворянства. “Национализация” последнего на основе исключительно языкового критерия вряд ли представлялась посильной задачей, поскольку большинство дворянства своим родным языком считало польский. Вторая проблема была связана с территориальными претензиями. Для того, чтобы последовательно проводить приведенный в цитате принцип, согласно которому Литва распространяется туда, куда “указывают живые знаки нашего языка”, следовало отказаться от исторической столицы – Вильнюса, абсолютное большинство жителей которого в позднеимперский период составляли не литовцы, а евреи и поляки. Включение Вильнюса в воображаемую территорию Литвы обосновывалось как историческими аргументами

²⁹ Darius. Staliūnas. Lietuvos idėja “Aušroje” // Archivum Lithuanicum. 2013. No. 15. Pp. 271–292.

³⁰ Приведем лишь один пример. Газета католического направления “Tėvynės sargas” (Страж отечества) кратко и понятно ответила на вопрос, кто является литовцем: “Каждый, с самого младенчества говорящий по-литовски, – литовец”. A. J. [Adomas Jakštas – Aleksandras Dambrasuskas]. Keletas žodžių apie lietuvius, jų padėjimą ir jų reikalus // Tėvynės sargas. 1897. No. 9. Pp. 1.

³¹ Antanas Smetona. Lietuvio žymės // Viltis. 1912. No. 136. P. 1.

(“историческая” столица Литвы), так и этнографическими.³² Последние были важны и для “возвращения” дворянства в состав литовского народа.

Таким образом, современная литовская идентичность конструировалась согласно типичной логике примордиалистского национализма: национальность является врожденной, передается от поколения к поколению через кровь, от национальности фактически невозможно отказаться. Этнонационалисты часто уподобляли нацию семье, а верность национальным идеалам сравнивали с верностью родителям/предкам.³³ “Чужое” национальное сознание, считали они, не может быть глубоко: оно, как краска, которую нужно соскрести, чтобы обнажить истинное национальное сознание.³⁴ Соответственно, на основании “этнографических”³⁵ аргументов от дворянства требовали “возвратиться” к историческим корням, т.е. выучить литовский язык и поддержать литовское национальное движение. “Этнографические” аргументы – “обычай жителей, мелодии песен, способы строительства изб, название старинных инструментов, кресты и типы всего народного искусства”³⁶ – обосновывали принадлежность к литовской нации и не говоривших по-литовски “окраин”. Реже с этой целью прибегали к аргументам физической антропологии, приводя разницу в форме черепа как свидетельство отличия литовцев от славян.³⁷

Важно отметить, что примордиалистский подход, предполагающий установление принадлежности к нации через кровные связи, был характерен для литовских общественных деятелей не только правого, но и левого толка.³⁸ Так, “этнографическая” интерпретация

³² Darius Staliūnas. Making a National Capital out of a Multithethnic City // *Ab Imperio*. 2014. Vol. 15. No. 1. Pp. 157-175.

³³ Paulius Subačius. *Lietuvių tapatybės kalvė*. P. 115.

³⁴ Maironis. *Raštai* T. 2. Vilnius, 1988. P. 321.

³⁵ Термин “этнографичность” в настоящей статье употребляется так же, как он интерпретировался в литовском дискурсе обсуждаемого периода – т.е. как метод, позволяющий с помощью условно объективных критериев (происхождения, обычаев и материальной культуры) установить национальную принадлежность лица, группы лиц или определенной территории. Также и термин “этничность” заимствован из литовского дискурса обсуждаемого периода.

³⁶ A. Sm. [Antanas Smetona]. *Skaitmenų šviesoje* // *Vairas*. 1915. No. 2. P. 25.

³⁷ Jonas Basanavičius. *Iš lenkiškai-lietuviškų prietikių* // *Šviesa*. 1906. No. 5. P. 76.

³⁸ “У нас кроме литовцев, говорящих по-литовски, много литовцев, забывших свой врожденный язык, язык своих отцов, говорящих на мешаном языке, состоящем из трех языков (литовского, русского и польского). Правда, таких много, но они кровью и плотью литовцы, неразрывно соединенные настоящей и прошлой жизнью с Литвой”. *Mūsų reikalavimai* // *Ūkininkas*. 1905. No. 6. P. 145.

национальной принадлежности была характерна для части социал-демократов:

Говорящие по-польски труженики Литвы такие же литовцы, как и другие. ... С говорящими по-литовски литовцами их связывает экономическая, политическая жизнь, земля, даже история, в конце концов, сама кровь человеческая и жизненный уклад.³⁹

Правда, надо сразу подчеркнуть, что обеспокоенность литовских социал-демократов этнокультурными аспектами (образование на родном языке, распространение литовской культуры) отступала на второй план по сравнению с вопросами первостепенной важности – социальными и экономическими. Как не раз писали социал-демократы в своих периодических изданиях, например, в газете “*Darbininkų balsas*” (“Голос рабочих”), на первом месте было удовлетворение потребностей людей труда Литвы. Иноязычие большей части рабочих-христиан являлось для литовских социал-демократов в большей степени технической проблемой, которую они без особого труда решали, ведя агитацию на польском языке.⁴⁰

Такое понимание национальности, господствовавшее в литовском национальном движении в конце XIX – начале XX в. и сочетавшее в себе лингвистические и “этнографические” критерии, на первый взгляд, позволяло литовским общественным деятелям легко определять границы представляемой ими Литвы. Однако, как мы увидим далее, на начальном этапе национального движения попыток точно установить границы Литвы было очень мало.

Представления о Литве на начальном (культурном) этапе национального движения

Несмотря на то, что уже в середине 90-х годов XIX в. литовская интеллигенция интересовалась вопросом о границах Литвы⁴¹ и пред-

³⁹ Šis-tas apie Lenkų Socijalistų Partiją // *Darbininkų balsas*. 1905. No. 6. P. 177.

⁴⁰ Как писал Альфонсас Моравскис (*Alfonzas Moravskis*), один из основателей социал-демократического движения в Литве, “социал-демократы Литвы главной своей задачей считали подъем в указанном направлении политического сознания рабочей прослойки всей Литвы, независимо от того, какой язык рабочие считали своим родным”. A. Lietuvis [Moravskis]. *Lietuvos darbininkų judėjimo istorija sąryšy su Lietuvos valstybės atgimimo judėjimu. Pirmas dešimtmetis: 1892–1902 m. m.* // *Kultūra*. 1931. No. 4. P. 200.

⁴¹ Stanislovo Railos 1875 m. sausio 12 d. laiškas Nikodemui Venckavičiui-Baukui // *Mūsų senovė*. 1938. No. 3(8). P. 502.

принимала отелльные попытки достаточно конкретно определить территорию, на которой люди с давних времен говорили по-литовски,⁴² эти попытки не вели к распространению территориального образа Литвы. Отдельные исключения не меняли общей ситуации. Так, например, еще в 1880 г. один из главных зачинателей литовского национального движения, Йонас Басанавичюс (*Jonas Basanavičius*) в газете, издаваемой на литовском языке в Пруссии, пересказывая публикацию П. Шаффарика 1843 г., описал границы Литвы.⁴³ Однако эта газета “*Naujasis keleivis*” (“Новый пассажир”) издавалась готическим шрифтом и в основном ареале проживания литовцев – в Российской империи – не распространялась. В публикациях газеты “*Aušra*” делались попытки выявить места, которые символизировали Литву, но ее границы последовательно не очерчивались. И в этой газете, и в других изданиях конца XIX в. такими объединяющими культурное пространство центрами (фактически – “местами памяти”, в терминологии Пьера Нора) стали исторические столицы Вильнюс и Тракай, а также холм Бируте в Паланге.⁴⁴ Параллельно, особенно в поэтическом дискурсе, популярность приобретает “гидрография”.⁴⁵ Как точно заметил Паулюс Субачюс (*Paulius Subačius*), территориальное самосознание формировалось “путем выявления не пограничных знаков, но того, что объединяло пространство вокруг национальной самости, было ее *сердцевиной*”.⁴⁶ Хотя, с другой стороны, реки одновременно играли роль “естественных границ” Литвы, которая помещалась буквально между рек.⁴⁷

То, что в последние десятилетия XIX в. было мало попыток точно определить контуры воображаемой Литвы, лояльность к которой возвращали лидеры литовского национального движения, достаточно легко объяснить. Если не считать отдельных заявлений, литовское национальное движение тогда еще не сформировало стремления к политической

⁴² Ср. размышления Йуозаса Жябриса (*Juozas Žebrys*) о границах Литвы: *Litauische Mundarten gesammelt von A. Baranowski*. Bd. 1: Aus dem webereschen Nachlass / Hg. von Franz Specht. Leipzig, 1920. S. 108-109.

⁴³ Jon’s Bassenowicz. Rubežej ir skajtlus Lietuviū tautôs // Beilage zu Nro. 17 des *Naujasis Keleivis*. 1880. 23.07. P. 103.

⁴⁴ Veversys [Mečislovas Davainis-Silvestraitis]. Musu rupesczei // *Lietuviszkas “Auszrôs” kalendorius ant metų 1884*. P. 47; Maironis. Raštai. T. 2. P. 339; Brigita Speičytė. *Anapus ribos. Maironis ir istorinė Lietuva*. Vilnius, 2012. Pp. 116-117.

⁴⁵ Paulius Subačius. *Lietuvių tapatybės kalvė*. P. 151.

⁴⁶ *Ibid.* P. 156.

⁴⁷ Adomas Jaksztas [Aleksandras Dambrauskas]. *Rauda Lietuvos // Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*. 1892. No. 19. P. 148; Brigita Speičytė. *Anapus ribos*. P. 64.

автономии (в идеале – к независимому государству), а следовательно, не было необходимости точно очерчивать территорию, которая бы могла считаться “своей”. В этот период основными пунктами повестки дня литовского национального движения были “национализация” масс и упразднение национальной и конфессиональной дискриминации. Потенциальными препятствиями на пути национализации масс могли стать региональные различия внутри воображаемой Литвы. Эту проблему и пыталась решить литовская интеллигенция в последние два десятилетия XIX в.

Особенно ярко в представляемой Литве выделялся исторический регион Жемайтия (Жмудь/Самогития) и населявшие его жемайты.⁴⁸ Несмотря на то, что в конце XIX в. в литовском национальном движении уже четко выкристаллизовалась модель общелитовской национальной идентичности, которая включала и жемайтов, в национальных изданиях достаточно часто можно было встретить двойные обозначения территории и этнонимов. Эта двойственность зафиксирована даже в названии одного издания католического направления: “*Žemaičių ir Lietuwos apžvalga*” (“Обзор Жемайтии и Литвы”, 1889–1896).

Возможно, сохранение такой двойственности объяснялось желанием подстроиться под привычную ментальную географию читателей. Неслучайно двойная терминология чаще всего встречается в католической печати, которая, по сравнению с либеральной печатью, была в меньшей степени пропитана идеологией современного национализма и старалась не перечить народным обычаям. Например, католические издания гораздо позже модернизировали орфографию и дольше использовали привычные буквы польского алфавита.⁴⁹ Двойственная терминология в литовском пространственном дискурсе свидетельствует о признании существования двух субгрупп, говорящих на различных диалектах. Однако это вело не к раздвоению национального проекта, а к употреблению термина “Литва” в текстах этого периода в двух значениях. Если речь шла о нескольких исторических регионах, термин “Литва” означал “не-Жемайтия”, но одновременно в тех же текстах он мог употребляться для описания всех литовцев, включая жемайтов. Так,

⁴⁸ Северо-западная часть Литвы. Об этой проблеме в более ранний период см.: Subačius. *Žemaičių mąstymo apie bendrinę kalbą istorijos metmenys*; Paulius Subačius. Antanas Baranauskas. *Gyvenimo tekstas ir tekstų gyvenimai*. Vilnius, 2009. Pp. 46-47. В том же русле: Petras Kalnias. *Žemaičiai. XX a. – XXI a. pradžia*. P. 76.

⁴⁹ Jurgita Venckienė. *Dvejopa XIX a. pabaigos lietuviškų laikraščių rašyba // Raidžių draudimo metai / Sud. Darius Staliūnas*. Vilnius, 2004. Pp. 207-212.

уже в первом номере упомянутой выше газеты “*Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*” вышла статья “Разговор двух соседей жемайтійцев в Литве. Какую пользу может принести газета”,⁵⁰ название которой указывает на то, что Жемайтія воспринималась как часть целого – Литвы. Позднее в газете появляется рубрика *Isz Lietuvos* (“Из Литвы”), в которой помещаются и корреспонденции из Жемайтії.

Точно также и этноним “литовец” употреблялся в этой газете и в других похожих изданиях в двух смыслах. Ярче всего эту двойственность иллюстрирует одна из статей 1893 г. о роли женщин в национальном движении. В этом тексте женщины и девушки сначала призываются пестовать литовский и жемайтійский языки, но тут же говорится и об общем для всех литовском языке.⁵¹ Если материал был посвящен истории, преследованиям со стороны российских властей, сохранению языка или Родине, обычно использовалась не старая составная номенклатура исторических земель (Жемайтія и Литва), а ставший уже типичным для национального мышления термин “Литва” / “литовцы”.⁵² Иными словами, в повседневной практике национального дискурса жемайтїство уже редуцировалось до категории диалектного, регионального уровня. Понятно, что употребление составных топонимов и этнонимов (“Литва и Жемайтія” / “литовцы и жемайтї”) несло потенциальную опасность для интеграции новой национальной Литвы, что предопределило постепенный отход от двойственности значения “Литвы”. Об этом свидетельствует встречающийся все чаще в католической печати последних десятилетий XIX в. термин “Аукштайтїя” / “аукштайтї”, замещавший термин “Литва” / “литовцы” в смысле исторического региона и его обитателей. Таким образом ликвидировалась всякая терминологическая двусмысленность в употреблении понятий “Литва” / “литовцы”, которые теряли старое, донациональное значение и обозначали новую литовскую нацию и ее территорию (включающую, в том числе, Жемайтїю как одну из областей Литвы).⁵³

⁵⁰ *Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*. 1889. No. 1. Pp. 2-3.

⁵¹ *Uždūtis mūsų mergelių ir moterelių* // *Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*. 1893. No. 17. P. 119.

⁵² *Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*, 1889–1896; Subačius. Antanas Baranauskas apie žemaitišką ir lietuvišką tapatybę, 2004. Pp. 186-187; Subačius. Antanas Baranauskas. Gyvenimo tekstas ir tekstų gyvenimai. P. 48; Kalnius, Žemaičiai. XX a. – XXI a. pradžia. Pp. 65-66.

⁵³ *Isz Lietuvos* // *Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*. 1893. No. 1. P. 5; *Mus užmiršo: dūkime apie savę žinią!* // Там же, 1895. No. 13. P. 97. Так же и в произведениях Майрониса постоянно подчеркивается единство литовского народа, невзирая на различия диалектов: *Maironis. Raštai*. T. 2. P. 310. Установление границы между аукштайтїями и

На рубеже веков эта тенденция в преодолении старого пространственного воображения стала доминировать. Уже в 1880 г. некий будущий литовский священнослужитель, размышляя об этимологии термина “жемайт”, попытался нейтрализовать возможность превращения его в самостоятельный этноним. По его словам, этот термин предположительно происходил от слова *žemė* (земля) и обозначал человека, родившегося или живущего на этой земле (аналогично, как пишет автор, русскому “земляк”), т.е. жемайты – это просто “местные” литовцы.⁵⁴ В периодике этого времени не только появляются статьи, которые разъясняют, что, несмотря на разные диалекты, существует единый литовский язык,⁵⁵ но и публикуется ряд текстов (в изданиях “*Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*”, “*Tėvynės sargas*”, “*Vilniaus žinios*”), направленных против употребления упомянутой двойственной терминологии, поскольку, по мнению их авторов, она поддерживает в народе ошибочную уверенность в “чуждости” литовцев и жемайтов и в существовании двух разных языков.⁵⁶ Кроме того, оказывалось, что замена “литовцев” на “аукштайтов” как на более корректное обозначение диалектной группы – тоже не лучший выход, и вместо очередного двойного термина “жемайты и аукштайты” лучше писать просто “литовцы”.⁵⁷ Необходимость подобных инструкций вплоть

жемайтами в публикациях литовских авторов базировалось преимущественно на лингвистических критериях, при этом некоторые авторы предлагали использовать этнографические и антропологические методы, что было невозможно в связи с недостаточностью данных: Povilas Višinskis. *Antropologinė žemaičių charakteristika / Sud. Gintautas Česnys*. Vilnius, 2004. Pp. 21-22.

⁵⁴ Письмо студента Самогитской (Тельшевской) римско-католической семинарии Марционаса Юргайтиса (*Marcijonas Jurgaitis*) Йонасу Шлюпасу (*Jonas Šliūpas*) от 1 марта 1880 г. // *Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Rankraščių skyrius* (Отдел рукописей Института литовской литературы и фольклора; далее – LLTI RS). F1-4105, пагинация отсутствует.

⁵⁵ А. J. [Adomas Jakštas]. *Keletas žodžių apie lietuvius, jų padėjimą ir jų reikalus*. Pp. 1-2.

⁵⁶ “Поэтому не следует говорить ‘литовцы и жемайты’, потому что, если говоришь ‘литовцы’, то тем самым говоришь ‘аукштайты и жемайты’, то есть уже упоминаешь и ‘жемайтов’. Если мы вместо слова ‘литовцы’ поставим его значение, то есть ‘аукштайты и жемайты’, вместо ‘литовцы и жемайты’ получим: ‘аукштайты и жемайты и жемайты’. Итак, зачем же надо два раза упоминать жемайтов, если и одного достаточно”: *Dėdė [Marcijonas Povilas Jurgaitis]. Kas tai yra lietuvi ir kas žemaičiai? // Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*. 1896. No. 7. Pp. 52-53.

⁵⁷ Там же; *Šatrijos Ragana [Marija Pečkauskaitė]. Apie Tėvynę // Tėvynės sargas*. 1903. No. 7-8a. P. 12; *Senis. Mūsų kalendoriai // Vilniaus žinios*. 1905. No. 22. P. 3. Аргументы в защиту этого положения уже в 1886 г. приводил ксендз Йозапас Чяркаукас (*Juozapas Čerkiauskas*): *Subačius. Antanas Baranauskas apie žemaitišką ir lietuvišką tapatybę*. P. 185.

до начала XX в. объяснялась инерцией старой ментальной географии, в результате чего устаревшая терминология все еще просачивалась в работы некоторых авторов.⁵⁸ Впрочем, это явление носило уже маргинальный характер, встречаясь чаще в публикациях тех, кто в меньшей степени испытал на себе влияние идеологии литовского национализма.

Наряду с внутренней логикой литовского национального движения существовали и внешние стимулы избегать употребления термина “жемайт” в качестве самостоятельного этнонима. Польское национальное движение, особенно представители консервативных кругов и национальных демократов, претендовавшие на те же земли и население, объявляли литовцев наследниками “жемайтского народа”, незаконно присвоившими себе “литовскость”.⁵⁹ Понятно, что самописание при помощи старой номенклатуры исторических земель или даже современной карты диалектов (жемайтского и аукштайтского) играло на руку польскому национализму.

Политический этап национального движения

Деятели литовского национального движения обосновывали претензию на политическую автономию Литвы и собственное государство не только юридическим правом наций на самоопределение, но и прибегая к аргументам исторического характера. Правда, речь шла скорее о самом прецеденте литовской государственности, а не о его исторической территории. Звучали призывы забыть о том, что Литва все еще может пониматься в своих исторических границах,⁶⁰ и в целом литовская интеллигенция не стремилась уподобить границы современной Литвы историческим границам Великого княжества Литовского (ВКЛ). Хотя литовские политики левого крыла в начале XX в. многократно участвовали в совместных с представителями других исторических народов ВКЛ (поляками, беларусами, евреями) совещаниях о будущем края, литовские деятели, насколько известно, ни разу не поддержали про-

⁵⁸ V. Vegis. Lietuvos ir Žemaičių kalendorius 1905 metams. Riga, 1904; Žvaigždės bazaro ir lioterijos komitetas // Užprašymas. Riga, 1911; Broliai lietuviai-žemaičiai! // Viltis. 1914. No. 255. P. 1. Понятно, что термины жемайты / Жемайтия употреблялись и отдельно, но обычно в контекстах, не вызывающих сомнения в том, что речь идет о составной части литовского народа / Литвы.

⁵⁹ Более широко о точке зрения поляков на литовцев см.: Krzysztof Buchowski. Litwomani i polonizatorzy. Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku. Białystok, 2006.

⁶⁰ Lietuva // Vilniaus žinios. 1905. No. 165.

ектов создания единой государственности на всей территории бывшего ВКЛ.⁶¹ Историческая память о ВКЛ, очевидная в литовском дискурсе рубежа веков,⁶² не экстраполировалась на политические программы.

В литовской историографии глубоко укоренился тезис, согласно которому в позднеимперский период в программе литовского национального движения литовская автономия, а позже и независимое государство виделись в границах четырех губерний (Ковенской, Виленской, Гродненской и Сувалкской). Действительно, такое требование⁶³ формулировалось литовскими политиками на пике национальной революции 1905 г., непосредственно перед Великим вильнюсским сеймом – в меморандуме, адресованном властям Российской империи.⁶⁴ Однако насколько такой способ представления территории Литвы был характерным для литовских политических программ начала XX в.? Сама ситуация описания будущего независимого национального государства языком современного имперского административного деления кажется парадоксальной. Объяснение следует искать в том, что меморандум был адресован имперским властям. Текст структурировался привычными им пространственными категориями, а не, скажем, лингвистическими или этнографическими аргументами, тем более что в российском дискурсе рассматриваемого периода именно Виленская, Ковенская и Гродненская, а в некоторых случаях и Сувалкская губернии назвались “литовскими”. Примером подобного “географического оппортунизма” может служить история с изданной инженером Антанасом Мацеяускасом (*Antanas Maciejauskas*) в 1900 г. “Картой литовско-латышского края” (“*Žemėlapis lietuviškai latviško krašto*”), которую власти решили конфисковать, поскольку она вышла на литовском языке с использованием запрещенной латиницы. В просьбе о возмещении ущерба, адресованной властям, А. Мацеяускас упоминает “географическую карту некоторых губерний Западного и Прибалтийского края” или “географическую карту литовских губерний Северо-Западного края”, а не аутентичное

⁶¹ Rimantas Miknys. Vilniaus autonomistai ir jų 1904–1905 m. Lietuvos politinės autonomijos projektai // LAIS. T. 3: Lietuvos valstybės idėja (XIX a. – XX a. pradžia). Vilnius, 1991. Pp. 173–198; Rimantas Miknys. Vilnius and the Problem of Modern Lithuanian Statehood in the Early Twentieth Century // Lithuanian Historical Studies. 1997. Vol. 2. Pp. 108–120.

⁶² Например, в стихотворениях Майрониса: Maironis. Raštai. T. 2. P. 302.

⁶³ Следует отметить и то, что в понятие “Литва” включалась и небольшая часть Курляндской губернии.

⁶⁴ Motieka. Didysis Vilniaus seimas. Pp. 85, 282.

название издания – другими словами, использует терминологию, более привычную и понятную для бюрократов.⁶⁵

Представление Литвы в пределах четырех губерний империи больше всего соответствовало позиции литовских социал-демократов. Если верить написанным значительно позже воспоминаниям Андриуса Домашевичюса (*Andrius Domaševičius*), Литва “понималась как Ковенская, Виленская и Гродненская губерния с Сувалкией”.⁶⁶ Подтвердить этот тезис оригинальными источниками начала XX в. непросто. Пожалуй, наиболее отчетливо литовские социал-демократы заявляли о четырех упомянутых губерниях как о поле своей деятельности в 1906–1907 гг., после того, как ЛСДП присоединила социал-демократическую партию в Литве (бывшая Партия польских социалистов в Литве, *PPS na Litwie*).⁶⁷ Но в дальнейшем идея Литвы в пределах четырех губерний не получила поддержки: в документах объединения партий речь идет о меньшей территории.⁶⁸ Кроме того, анализ социал-демократической печати того времени показывает, что в центре внимания партии были литовскоговорящая Литва, а также Вильнюс.⁶⁹

Анализ программных документов литовского национального движения, в особенности предназначенных для внутреннего использования, а не для публики, также свидетельствует об ограниченной популярности идеи “четырёх губерний”. В решениях, принятых уже упоминавшимся Великим вильнюсским сеймом, вопрос о границах будущей литовской автономии оставался открытым, указывались

⁶⁵ См. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 777. Оп. 21. Ч. 1. Д. 463 “Об уничтожении 1175 экземпляров карты литовских губерний, отпечатанной на литовском языке инженером технологом А. Мацеевским”.

⁶⁶ Domaševičius, Andrius, LSDP pradžia 1896 m. // Lietuvos ypatingasis archyvas (Особый архив Литвы; LYA). F. 3377. Ap. 38. B. 53. L. 3-4; Rimantas Miknys. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos valstybingumo tradicija lietuvių tautinio judėjimo politinėje programoje (teorinis ir praktinis aspektai) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai / Sud. A. Bumblauskas, Grigorijus Potašenko. Vilnius, 2009. P. 130. См. также: Vytautas Merkys. Lietuvos socialdemokratai ir nacionalinio išsivadavimo judėjimas (ligi 1904 m.) // Mintys apie Lietuvos komunistų partijos kelią / Sud. A. Eidintas, V. Kašauskienė, V. Pšibilskis. Vilnius, 1989. P. 16.

⁶⁷ Bendraitis. Naujieji rinkimų įstatymai // Žarija. 1907. No. 2. P. 20; Lietuvos socialdemokratų-atstovų kuopos laiškas // Skardas. 1907. No. 9. P. 129.

⁶⁸ Partijos konferencija (Rugšėjo 14–19 d. 1906) // Lietuvos socialdemokratų partijos žinios. 1906. No. 1. P. 5; Kipras Bielinis. Penktieji metai. Revoliucinio sąjūdžio slinktis ir padariniai. New York, 1959. P. 416.

⁶⁹ Это справедливо, например, по отношению к корреспонденциям газет *Žarija* и *Skardas*.

лишь принципы, на основании которых эти границы должны были быть установлены.⁷⁰ И в самом начале XX в., и во время революции 1905 г. речь шла не столько о точном определении границ автономии будущей Литвы (а потенциально и независимого государства), сколько об установлении принципов, позволяющих обозначить эти границы. Исключением может считаться программа объединения литовских христианских демократов, в которой не только декларировалось стремление получить автономию в “этнографических границах”, но и уточнялись сами эти границы по языковому признаку. Но и в этом случае речь шла не о четырех губерниях в целом, а исключительно об их “литовскоговорящих” территориях.⁷¹ Еще неопределеннее были территориальные положения программы Литовской демократической партии 1902 г., в которой весьма абстрактно говорилось о литовской автономии в “этнографических границах”.⁷² Насколько можно судить по сохранившимся источникам, пределы литовской автономии “в этнографических границах” не детализировались и в речах католических священников на вильнюсском сейме.⁷³

Нежелание точно очертить территорию воображаемой Литвы можно объяснить не столько недостатком сведений, сколько осознанием подвижности лингвистических границ. По мнению лидеров литовского национального движения, территория Литвы постоянно уменьшалась. Как писал по поводу подготовки карт к Всемирной выставке 1900 г. в Париже один из лидеров литовского национального движения Йонас Вилейшис (*Jonas Vileišis*) другому активисту этого движения Йозасу Тумасу (Вайжгантасу) (*Juozas Tumas [Vaižgantas]*): “И тут возникает вопрос: где наша старая этнографическая граница, и где эта граница сегодня. Известно, что беларускость и полячество заполнили и продолжают заполнять все большие территории, бывшие 10–20 лет назад чисто литовскими”.⁷⁴ В начале XX в. литовские деятели начина-

⁷⁰ E. Motieka. *Didysis Vilniaus seimas*. Pp. 297–298.

⁷¹ *Lietuvių Krikščionių Demokratų susivienijimo programo projektas* // *Draugija*. 1907. No. 1. P. 72.

⁷² R. Miknys. *Lietuvos demokratų partija 1902–1915 metais*. Vilnius, 1995. P. 186.

⁷³ [Liudas Gira]. *Lietuvių susivažiavimas Vilniuje* // *Vilniaus žinios*. 1905. No. 275. P. 1; Pranas Klimaitis. *Didysis Vilniaus Seimas* // *Židinys*. 1931. No. 2. P. 153. Сохранившиеся источники не позволяют уверенно подтвердить вывод Э. Мотиеки о том, что духовенство во время ВВС говорило об автономии в границах четырех губерний: E. Motieka. *Didysis Vilniaus seimas*.

⁷⁴ Цит.: Vilma Žaltauskaitė. *Apie lietuvybės idėją kunigo Juozo Tumo-Vaižganto pažiūrose. Iki 1904 metų* // *LAIS*. T. 8: *Asmuo tarp tautos ir valstybės*. Vilnius, 1996. Pp. 255–256.

ют говорить о надежде отвоевать “этнографические окраины” и, как следствие, о возможности через несколько десятилетий претендовать на гораздо большую территорию.⁷⁵

В принципе, в программных документах литовских партий рассматриваемого периода проектируемая Литва представляется состоящей из трех частей. Вот как описываются границы автономной Литвы в проекте программы Литовской национально-демократической партии правого толка, создававшейся (но так и не созданной) во время революции 1905 г. :

Под именем Литвы НЛД партия понимает ту часть Великого княжества Литовского со столицей в Вильнюсе, жители которой до сегодняшнего дня сохранили свой старый литовский язык и к которой, как к старой своей родине, по культурным, экономическим и иным причинам хотели бы снова принадлежать живущие на окраинах обелорусевшие и ополяченные в давние времена литовцы.⁷⁶

С этой точки зрения Литва должна была включать (1) территории, на которых доминирует литовский язык, (2) Вильнюс, как историческую столицу, не попадающую в ареал преобладания литовского языка (хотя приведенная цитата подразумевает, что Вильнюс является частью литовскоязычного пространства), (3) территории той части бывшего ВКЛ, где проживают утратившие свою национальную идентичность литовцы. Правда, принадлежность последних к Литве зависела от волеизъявления жителей.⁷⁷ О праве жителей на самоопределение – правда, после того, как интеллигенция выполнит свою национализирующую миссию – писала и литовская демократическая печать.⁷⁸

⁷⁵ Pilyps. *Autonomija ar savivalda* // *Vilniaus žinios*. 1907. No. 41. P. 1; *Lietuvos sūnus* [P. Višinskis], черновой вариант статьи *Ze spisu jednodniowego (gub. Wilenska)* // *LLTI RS. F. 1–697. L. 1–3*.

⁷⁶ Проект национальной программы литовской демократической партии: LAIS. Т. 1: *Tautinės savimonės žadintojai: nuo asmens iki partijos*. Vilnius, 1990. P. 185.

⁷⁷ Схожее трехчастное понятие зафиксировано и в заявлении представителей жителей Ковенской, Сувалкской и Виленской губерний Московскому бюро съезда земских и городских деятелей: “Основой автономной Литвы считалась территория проживания литовцев, а также места, заселенные неоднородным с точки зрения национальной принадлежности населением, т. е. те, которые примыкают к Вильнюсу как к центру и выразят желание присоединиться к Литовской автономии”. Перевод цитаты из издания: Rimantas Miknys. *Lietuvos demokratų partija 1902–1915 metais*. P. 90.

⁷⁸ *Demokratas* [Povilas Višinskis]. *Demokrato balsas* // *Varpas*. 1905. No. 9–10. P. 90.

Интересно, что после 1905 г. вопрос о самоопределении “денационализированных окраин” поднимался все реже и все чаще делались попытки точно установить границы проектируемой Литвы. Эта тенденция ясно прослеживается в программах Литовской демократической партии. Наряду с декларацией о том, что “границы автономной Литвы будут проведены согласно национальному составу жителей и их желаниям”, партийные программные документы перечисляли конкретные уезды и даже их части, подлежащие включению в состав Литвы. Теперь право на самоопределение предоставлялось только жителям заранее очерченных литовскими политиками пограничных зон – части Виленской и Сувальской губерний и “кусочка” Курляндской и Гродненской губерний.⁷⁹ Более того, такая формулировка присутствовала в программе ЛДП 1906 г., но уже в программе 1914 г. исчезает даже ограниченная возможность выбора. В начале 1914 г. один из лидеров ЛДП Казис Гринюс (*Kazys Grinius*) четко указывал на границы “этнографической Литвы”.⁸⁰

То, что идеи свободного самоопределения жителей территорий с литовскоязычным меньшинством сменились планами немедленного проведения четких национальных границ (прежде всего, на основании этнографических критериев), объясняется наличием ясного понимания, что свободное волеизъявление могло оказаться не в пользу Литвы.⁸¹ В этой связи необходимо более пристально рассмотреть ключевые понятия литовского пространственного дискурса конца XIX – начала XX в. – понятия национального “ядра” и “окраин”.

“Ядро и окраины”

В литовском дискурсе начала XX в. важную роль играла формула “Литва и ее окраины”. Так, после революции 1905 г. под этим названием была издана незавершенная карта, которую готовил к печати Повилас Матуленис (*Povilas Matulionis*).⁸² В это время варианты указанной формулы циркулируют довольно широко, давая понять, что Литва фактически состоит из двух частей. Что же считалось ядром, а что – окраинами? На этот вопрос нелегко дать однозначный ответ, учитывая, что иногда и сами литовские активисты не до конца понимали, где следовало проводить границу.

⁷⁹ Miknys. Lietuvos demokratų partija 1902–1915 metais. Pp. 199–200, 212.

⁸⁰ К. Гр. [Kazys Grinius]. 1913 met. // Lietuvos žinios. 1914. No. 16.

⁸¹ Ср.: P. Zonis. Lietuvos autonomija ir lietuviai-rytiečiai // Vilniaus žinios. 1906. No. 277. Pp. 1–2.

⁸² Petronis. P. 261.

Например, в 1899 г. Юозас Адомайтис-Шярнас (*Juozas Adomaitis-Šernas*) включил в одних из первых литовских учебников географии карту *Tikroji Lietuva* (“Настоящая Литва”), опубликованную Пятрасом Вилейшисом (*Petras Vileišis*) годом ранее.⁸³ При ее сопоставлении с текстом учебника обнаруживается явное несоответствие. На карте территория “настоящей Литвы” включает и “Прусскую Литву”, но в учебнике Адомайтис-Шярнас утверждает: “С востока отделяет Прусскую землю от Настоящей Литвы Неман”,⁸⁴ т.е. “Прусская Литва” не является “Настоящей Литвой”. Путаница только усиливается тем, что слово *tikroji* (“настоящая”) на карте написано именно в том месте, где изображена “Прусская Литва”.

Но даже и без столь явных противоречий использование формулы “ядро и окраины” в литовском дискурсе того времени отличалось неопределенностью. Так, деятели ЛДП употребляли достаточно двусмысленную фразеологию. Иногда под ядром они понимали территорию, “на которой живут литовцы”,⁸⁵ но само понятие “литовец” не имело постоянного значения в риторике литовского национального движения и менялось в зависимости от контекста. При описании важнейших сегментов литовской идентичности основная роль, как уже было сказано, отводилась языку (литовец – это тот, кто говорит по-литовски), но в споре с дворянством на первое место выходило происхождение (литовец – тот, чьи предки литовцы). Некоторые тексты оставляют впечатление, что ядром считается этнолингвистическая Литва, а окраинами – остальная часть “этнографической” Литвы, т.е. территории, где доминировали литовцы по происхождению, утратившие “родной” язык.⁸⁶ Например, Повилас Вишинскис (*Povilas Višinskis*) в 1905 г. в издании *Varpas* разъяснял, что “окраины Литвы” – это территория, где “литовцы переняли чужой язык”, но в то же время там “еще есть

⁸³ Neris [Petras Vileišis]. *Trumpa geografija, arba Žemės aprašymas*. Chicago, 1898. P. 102.

⁸⁴ Juozas Adomaitis-Šernas. *Geografija, arba Žemės aprašymas*, 1899. P. 426, карта P. 427.

⁸⁵ Интервью П. Вишинскиса, К. Гриниса и К. Бельскиса газете “Новое время” // Lietuvos valstybės istorijos archyvas (Государственный исторический архив Литвы, LVIA). F. 378. BS. 1905. B. 406. L. 4; заявление тех же лиц земским и городским представителям: LLTI RS, F1-704, l. 1. См. также резолюцию, принятую литовскими социал-демократами после сейма: Kipras Bielinis. 1905 metai. Atsiminimai ir dokumentai. Kaunas, 1931. P. 146.

⁸⁶ *Lietuviai miestuose* // Tėvynės sargas. 1899. No. 10. P. 21; Tautiškosios lietuvių demokratų partijos programos projektas // LAIS. T. 1: Tautinės savimonės žadintojai: nuo asmens iki partijos. P. 185.

люди, которые помнят, как их родители или родители родителей говорили по-литовски, чей тип, обычаи и всяческие остатки старины, фамилии, названия мест свидетельствуют, что все это принадлежит литовцам, только говорящим на другом языке”⁸⁷. Однако если ядром Литвы считалась территория с преобладающим литовскоговорящим населением, то Вильнюс становился “окрайной”. Случалось, что литовские публицисты предлагали “посмотреть правде в глаза” и признать, что “в Виленской губернии говорящие на литовском языке остались только на окраинах и составляют лишь островки в глубине”,⁸⁸ но по идеологическим причинам такая трактовка была неприемлема.

Поэтому в большинстве случаев под ядром понимали территорию с преобладающим литовскоговорящим населением, а местонахождение окраин предпочитали не уточнять. Так, в решениях Великого вильнюсского сейма говорится, что “автономная Литва должна включать современную этнографическую Литву как ядро и окраины, которые по экономическим, культурным, национальным или иным причинам притягиваются к ядру и жители которых пожелают к нему принадлежать”.⁸⁹ Тот же подход можно усмотреть и на карте А. Сметоны 1914 г., на которой Литва состоит из четырех частей, для каждой из которых указано количество литовцев, идентифицированных на основании “этнографических” критериев. Территории, на которых более 50% населения составляли литовцы, считались ядром.⁹⁰

В этой логике Ковенская губерния всегда определенно входила в состав ядра Литвы. Если мы обратимся к пространственной практике литовской интеллигенции, в частности, к деятельности литовских обществ просвещения, мы увидим, что филиалы этих обществ и учрежденные ими школы, пусть неравномерно, но все же покрывали территорию всей Ковенской губернии.⁹¹ Проблемы возникали при попытках провести границы конструируемой Литвы в других губерниях, где неопределенность ареала доминирования литовского языка признавалась и литовской интеллигенцией.⁹² Известны случаи, когда

⁸⁷ Demokratas [P. Višinskis]. Demokrato balsas // Varpas. 1905. No. 9-10. P. 90.

⁸⁸ Kę. Keletas žodžių delei “L. Ukininko” Žemlapiu // Lietuvos žinios. 1911. No. 102, P. 1.

⁸⁹ Motieka. Didysis Vilniaus seimas. P. 297.

⁹⁰ A. Sm. Lietuvos etnografijos ribos // Vairas. 1914. No. 16. Pp. 2-8.

⁹¹ Pukienė. Lietuvių švietimo draugijos XX amžiaus pradžioje (1906–1915 metais). Pp. 124-126.

⁹² S. Mečius. Trumpas žemės aprašymas. Pirmieji geografijos uždaviniai su apsakymėliais ir kitais pasiskaitymais. Vilnius, 1906. P. 34.

при публикации карт обозначались города, транспортные артерии, водоемы, но не указывались границы Литвы.⁹³ Одна из причин, по которой издатели порой избегали проводить границы, была связана с недостатком знаний об этнолингвистическом и “этнографическом” ареале расселения литовцев. Кроме того, авторы ясно понимали, что на окраинах проживает смешанное по национальному составу население. Поэтому один из публицистов либерального издания *Varpas* предлагал обозначить границы Литвы двумя линиями: внутренняя очерчивала ареал доминирования литовцев, а внешняя – смешанный регион, где “живут вперемешку литовцы со своими соседями”.⁹⁴

Меньше всего проблем при установлении границ Литвы возникало на севере, больше всего – на востоке.

“Восток Литвы”

Под “Востоком Литвы” иногда подразумевали Минскую католическую епархию,⁹⁵ но чаще всего так называли Виленскую губернию (или просто говорили “Восток”). Причем, основное внимание уделялось только той части Виленской губернии, где литовскоговорящее население составляло большинство.⁹⁶ Согласно данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., лишь в Трокском уезде Виленской губернии большинство населения (58%) назвало литовский язык родным. Неудивительно, что литовские лидеры отказывались признавать эти данные как определяющий фактор при определении национальной границы. Суть их возражений сводилась к тому, что перепись 1897 г. регистрировала лишь родной язык, который не исчерпывал собой национальности. Национальность же, как совокупность

⁹³ См. Petronis. P. 245; Juozas Gabrys. Geografijos vadovėlis skiriamas Lietuvos mokyklai. Tilsit & Paris, 1910. P. 65.

⁹⁴ Pranas Ašakaitis. Pasirodžius “žemėlapiui” pono Maciejevskio // *Varpas*. 1900. No. 7. P. 83.

⁹⁵ Vaižgantas [Juozas Tumas]. Liudna istorija Rytų Lietuvos // *Tėvynės sargas*. 1897. No. 12. Pp. 1-16. Иногда Минск упоминается как один из городов Литвы (Szernas. Geografija, arba Žemės apraszumas. P. 437), но, скорее всего, это лишь историческая реминисценция, а не составная часть создаваемой политической программы.

⁹⁶ Kę. Vilniaus gubernijos lietuvių kalbos ribos // *Lietuvos žinios*. 1910. No. 89. Pp. 1-2; K. Lietuvių kalbos ribos 1900 m. // *Lietuvos žinios*. 1910. No. 94. P. 2. Иногда контекст позволяет прийти к выводу, что “Восток” – это не вся губерния, а только ее литовскоговорящая часть, например, в тех случаях, когда говорится о том, что “восточные границы сжимаются”: P. R. Rytai vis tirpsta... // *Lietuvos žinios*. 1914. No. 82. P. 1.

признаков, не может быть пока статистически достоверно зафиксирована, поскольку самоопределение большинства жителей Виленской губернии остается невыясненным.⁹⁷ “Восток Литвы” понимался как территория, литовские жители которой “уснули” (т. е. “забыли” свою настоящую национальную идентичность),⁹⁸ и одновременно как экономически отсталый край.⁹⁹

Но и “спящее” литовское население воспринималось как часть нации, согласно этнографическим критериям. На этом основании преобладание литовцев констатировали в Свенцяном, Виленском и Трокском уездах Виленской губернии.¹⁰⁰ Обратившись к пространственной практике литовских активистов, мы увидим, что отделения литовских обществ просвещения и школы действовали лишь в этих трех уездах.¹⁰¹ В некоторых случаях в проектируемую Литву включались и части Лидского, Ошмянского и Дисненского уездов.¹⁰² Чаще всего именно в таком виде территория Виленской губернии представляла в предназначенных для печати картах Литвы. Майронис в своей поэме *Lietuva* (“Литва”) также отнес эти территории к Литве на основании исторических аргументов (принадлежность к ВКЛ) и “этнографической” логики.¹⁰³ Исключение представляет лишь опубликованная в 1911 г. карта Бонифацаса Вербицкаса (*Bonifacas Verbickas*), где граница Литвы проходит сразу за Вильнюсом.¹⁰⁴ Были случаи, когда корреспонденции из юго-восточных уездов Виленской губернии попадали в рубрику *Iš*

⁹⁷ Ze spisu jednodniowego (gub. Wilenska). L. 3-4.

⁹⁸ Как писал Майронис: “И братья спят там до сих пор”. Maironis. Raštai. T. 2. P. 332.

⁹⁹ Таким образом подчеркивалась прямая причинно-следственная связь между “аутентичным” национальным самосознанием и экономическим процветанием. A. Sm. [Antanas Smetona]. Lietuvos etnografijos ribos // Vairas. 1914. No. 16. P. 8.

¹⁰⁰ K. Gr. 1913 met. // Lietuvos žinios. 1914. No. 16. Pp. 1-2. Правда, в этом случае речь идет не обо всех уездах, а только о части из них, “без белорусских окраин”.

¹⁰¹ Pukienė. Lietuvių švietimo draugijos XX amžiaus pradžioje (1906–1915 metais). Pp. 124-126.

¹⁰² Miknys. Lietuvos demokratų partija 1902–1915 metais. Pp. 199, 212; Neris. Trumpa geografija, arba Žemės aprašymas. P. 46; Mečius. Trumpas žemės aprašymas. P. 34 (здесь Дисненский уезд не упоминается). Ксендз Станисловас Стакяля (Stanislovas Stakelė) доказывал, что в Ошмянском уезде все еще немало литовскоговорящих, в то же время Дисненский и Вилейский уезды автор определяет как белорусские: Kunigas Stasys [Stanislovas Stakelė]. Liaukimės klaidinę! // Vilniaus žinios. 1907. No. 119. Pp. 1-2.

¹⁰³ Maironis. Raštai. T. 2. Pp. 332-334.

¹⁰⁴ Petronis. Pp. 262-263.

Lietuvos (“Из Литвы”),¹⁰⁵ но эти случаи были крайне редки. На Ново-виленский уезд претензии не предъявлялись в принципе.¹⁰⁶

Термины “Литовский Восток” и “Восток” получили особую популярность после революции 1905 г., в ходе острой борьбы по вопросу языка дополнительного богослужения в приходах, смешанных в языковом отношении. Борьба за упрочение позиций литовского языка в Виленской губернии велась не на жизнь, а на смерть: в случае поражения ожидалось поглощение ядра воображаемой Литвы “славянским морем”.¹⁰⁷ Практической стороной процесса национализации пространства стали осознанные усилия литовской интеллигенции утвердиться в Вильнюсе, который с 1905 г. благодаря этим усилиям становится центром литовского национального движения.¹⁰⁸

СУВАЛКСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Несмотря на отсутствие единого представления о южной границе конструируемой Литвы (в отличие от северной границы с латышами), включение в ее состав большей части Сувалкской губернии не вызывало сомнений ни у одного из литовских политических течений. Обычно литовское национальное движение претендовало на пять северных уездов этой губернии (Владиславовский, Мариампольский, Волковышский, Кальварийский и Сейнский).¹⁰⁹ В тех случаях, когда границы не привязывались к официальному административному делению, к литовской территории причислялись лишь часть Сейнского, а также часть Сувалкского уездов.¹¹⁰ Исключительно в этих частях Су-

¹⁰⁵ Например, *Vilniaus žinios*. 1905. No. 156; 1906. No. 4; 1907. No. 133.

¹⁰⁶ На Вилейский и Дисненский уезды не претендовала даже ЛСДП после объединения с польскими социалистами: *L.S.D.P su S.D.P.L. (buvusiąja Lietuvos P.P.S.) susidėjimo sumanymas // Lietuvos socialdemokratu partijos žinios*. 1906. No. 1. P. 5.

¹⁰⁷ *Liudas. Gira. Mūsų rytai ir vakarai // Viltis*. 1913. No. 2. P. 1. Похожая мысль: *Liudas Gira. Iš visų pastangų rūpinkimės Vilniaus gub. lietuviais // Viltis*. 1910. No. 139149. P. 1.

¹⁰⁸ *Staliūnas. Making a National Capital Out of a Multiethnic City*.

¹⁰⁹ *L.S.D.P su S.D.P.L. (buvusiąja Lietuvos P.P.S.) susidėjimo sumanymas // Lietuvos socialdemokratu partijos žinios*. 1906. No. 1. P. 5; Заявление П. Вишинскиса (P. Višinskis), К. Гринюса (K. Grinius) и К. Белскиса (K. Bielskis) земским и городским представителям // *LLTI RS. F1-704. L. 1*.

¹¹⁰ *Ze spisu jednodniowego. (gub. Wilenska). L. 1*. Интересно, что в ходе работы над этим текстом П. Вишинскис корректировал южную границу ареала расселения литовцев. Сначала он обозначил как литовские пять уездов, позже Сейнский уезд Вишинскис вычеркнул и, приведя более детальную информацию, скорректировал границу.

валкской губернии развивали свою деятельность общества литовского просвещения.¹¹¹

Но с Сувалкской губернией возникала проблема иного рода: она входила в имевшее автономный статус Царство Польское, с конца XIX века официально называвшееся Привислинским краем, в то время как основная часть территории Российской империи, на которой проживали литовцы, относилась к Виленскому генерал-губернаторству, т.е. с административной точки зрения являлась интегральной частью империи. Литовские деятели должны были сформулировать свое отношение к идее административного объединения всех территорий проживания литовцев, и в конце XIX в. это отношение было негативным.¹¹² Однако в период революции 1905 г. литовская национальная интеллигенция уже с энтузиазмом поддерживала эту административную идею,¹¹³ а позже, в 1909–1912 гг., разделилась на адептов,¹¹⁴ противников¹¹⁵ и сомневающихся.¹¹⁶ Наконец, накануне и в начале первой мировой войны опять громче зазвучали голоса тех, кто поддерживал присоединение Сувалкской губернии к Северо-Западному краю.¹¹⁷ В действительности разногласия между сторонниками и противниками этой территориаль-

¹¹¹ Pukienė. Lietuvių švietimo draugijos XX amžiaus pradžioje (1906–1915 metais). Pp. 124–126.

¹¹² J. M. Quousque tandem... // Varpas. 1891. No. 5. P. 69; Naujos kilpos // Ūkininkas. 1891. No. 9. Pp. 386–390; Ką mums Maskoliai žada // Ūkininkas. 1893. No. 4. Pp. 25–26.

¹¹³ Motieka. Didysis Vilniaus seimas. Pp. 85–86, 103, 293, 298; Vilniaus, sausio 25 d. // Lietuvis. 1907. No. 3. P. 38; Петиция Союза литовских римо-католиков в Америке премьер-министру Российской империи П. Столыпину от 22 декабря 1906 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 88. Л. 61.

¹¹⁴ Iks. Dėl Suvalkų gubernijos atskyrimo // Viltis. 1909. No. 62. P. 1; Iks. Dar apie Suvalkų gubernijos atskyrimą // Viltis. 1909. No. 99. Pp. 1–2; Jonas. Basanavičius. Apie Suvalkiškųjų lietuvių dalykus // Viltis. 1909. No. 103. P. 2; 104. P. 2.

¹¹⁵ Iš laikraščių // Lietuvos žinios. 1909. No. 1. P. 2.; Iš laikraščių // Lietuvos žinios. 1909. No. 8. P. 2.; Atstovo A. Bulotos kalba, pasakyta svarstant klausimą apie Cholmijos išskyrimą, sausio 13 d. // Lietuvos žinios. 1912. No. 13. Pp. 1–2, 14. P. 2, 15. P. 1.

¹¹⁶ Коментарий редакции к статье: Iks. Dėl Suvalkų gubernijos atskyrimo // Viltis. 1909. No. 62. P. 1.; Draugėj, ar išsiskyrus? // Viltis. 1909. No. 64. P. 1; Dėl Suvalkų gubernijos // Viltis. 1909. No. 73. P. 1, 74. Pp. 1–2, 75. P. 1. Следует отметить, что авторы последних статей в большей степени склонны согласиться с упомянутой административной реформой.

¹¹⁷ L. V-kas [Kazys Grinius]. Apie šalies neprigulmybę // Varpas. 1914. No. 3. P. 105; Pašeimeniškis. Rašykime į rusų laikraščius apie save ir apie dabartinius Lietuvos vargus // Viltis. 1914. No. 225. P. 1; Juozas. Gabrys. Lietuva ir Lenkijos autonomija. Ar gali but Lietuva priskirta prie autonominės Lenkijos?, Liuosas “Išeivių Draugo” vertimas iš anglų kalbos (“The British Review”, February, 1915), Spauda “Išeivių Draugo”. Bellshill, Scotland, 1915. P. 8.

но-административной реформы носили лишь тактический характер. В конце XIX в. литовское национальное движение, как уже было сказано, еще не было политическим, т.е. не выдвигало идеи независимого государства или политической автономии (за исключением социал-демократов и отдельных энтузиастов). Исходя из существующих политических реалий, литовские национальные активисты считали более предпочтительным существование Сувалкской губернии в составе Царства Польского, поскольку на этой территории имперский режим был более мягким по сравнению с территориями, находившимися в ведении виленского губернатора.¹¹⁸ Той же логикой после подавления революции 1905 г. руководствовались такие литовские политические деятели, как, например, член Думы трудовик Андриус Булота (*Andrius Bulota*). Но в годы революции и в преддверии мировой войны требование той или иной формы политической независимости стало одним из важнейших пунктов в программах литовских политических партий, и в этом контексте абсолютно понятно стремление к совмещению национальных и территориально-административных границ. Кроме того, возможность предоставления автономии Царству Польскому вызывала опасения национализации Сувалкской губернии польским, а не литовским проектом.¹¹⁹ Стремление отделить Сувалкскую губернию от Царства Польского аргументировалось этнографическими и историческими аргументами, а также волеизъявлением жителей. Литовские деятели подчеркивали, что большинство жителей Сувалкской губернии “являются этнографическими литовцами”, выразившими желание объединиться с другими литовцами. Кроме того, эта территория до конца XVIII в. входила в состав ВКЛ, и, следовательно, ей было не место в Царстве Польском.¹²⁰

В документах Виленского сейма содержались притязания на всю Сувалкскую губернию,¹²¹ хотя в других публикациях того времени

¹¹⁸ Здесь можно вспомнить о том, что именно в Сувалкской губернии после восстания 1863–1864 гг. находился основной центр литовского национального движения.

¹¹⁹ Агентурные донесения, 11 ноября 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел, 1914 г. Д. 149Л. Л. 8.

¹²⁰ *Suvalkiečių atydai // Vilniaus žinios*. 1907. No. 45. P. 2; *Draugėj, ar išsiskyrus? // Viltis*. 1909. No. 64. P. 1; *Motieka. Didysis Vilniaus seimas*. P. 293.

¹²¹ Э. Мотиека считает, что ссылка на всю Сувалкскую губернию появилась в меморандуме по недосмотру (*Motieka. Didysis Vilniaus seimas*. Pp. 85-86), но обо всей Сувалкской губернии ясно говорится и в решениях, принятых во время съезда литовцами Сувалкской губернии (Там же. P. 293). Только в решениях ВВС оставлена достаточно двусмысленная формулировка: “Литовцы Сувалкской губернии должны

мы встречаем планы включить в состав автономной (независимой) Литвы только ту часть Сувальской губернии, большинство населения которой составляют литовцы.¹²² Претензии на всю губернию могут объясняться не столько националистическим экспансионизмом, сколько неопределенностью “объективно обоснованных” границ национальной литовской территории, а также уже упомянутым выше стремлением разговаривать с имперской бюрократией на понятном ей языке административных границ.

“ПРУССКАЯ (МАЛАЯ) ЛИТВА”

Для представителей всех литовских политических течений литовские территории в Восточной Пруссии (в то время – Германская империя) были неотъемлемой частью “народного тела”.¹²³ Уже у издателей газеты *Aušra* не возникало сомнений в принадлежности литовцев Пруссии литовскому народу,¹²⁴ так же, как и онемечившихся со временем древних прусов.¹²⁵ В конце XIX – начале XX в. в литовском дискурсе этот регион был известен как “Прусская Литва” (*Prūsų Lietuva*), и только перед самым началом первой мировой войны чаще встречается термин “Малая Литва” (*Mažoji Lietuva*).¹²⁶ “Большая Литва” (*Didžioji Lietuva*)

быть отнесены к автономной Литве” (Там же. Р. 298). Существуют и другие документы, в которых литовские деятели говорят обо всей Сувальской губернии: черновик статьи П. Вишинскиса на русском языке // LLTI RS, F1-695, пагинация отсутствует.

¹²² Без части Сувальского и Августовского уездов: Miknys. Lietuvos demokratų partija 1902–1915 metais. Pp. 199, 212; без Августовского уезда и части Сувальского и Сейнского уездов: К. Gr. 1913 met. Примерно та же территория отображалась на картах, подготовленных в конце XIX – начале XX в., как литовская. В других случаях без каких-либо уточнений говорится о литовской части Сувальской губернии: V. Karuža. Savyvalda Lenkijoje // Vilniaus žinios. 1906. No. 245. P. 1; Paparonis. Lietuvos reikalai ir reikalavimai // Viltis. 1914. No. 247. P. 1.

¹²³ gk. Tautų rytojūn bežiūrint // Lietuvos žinios. 1914. No. 1701. P. 1. В литовских изданиях приводились различные данные о численности литовского населения: в одних случаях порядок цифр составлял 100 тыс. (Truputis Mažosios Lietuvos statistikos // Viltis. 1914. No. 192); в других – менее 200 тыс. (J. Gabrys. Geografijos vadovėlis skiriamas Lietuvos mokyklai. Tilsit, Paris, 1910. P. 71).

¹²⁴ Parplis [J. Mikšas]. Isz Lietuvos // Aušra. 1883. No. 8, 9, 10. P. 289.

¹²⁵ J. Szl. [J.onas Šliūpas]. Lietuviai kitą gadinę ir szendien // Aušra. 1883. No. 8, 9, 10. Pp. 222.

¹²⁶ Например, в газете “Lietuvos žinios” или в подготовленном Й. Габрисом учебнике географии: J. Gabrys. Geografijos vadovėlis skiriamas Lietuvos mokyklai. Tilsit, Paris, 1910. P. 61. В 1910 г. термин “Малая Литва” появляется и в малолитовской периодике: Vasilijus Safronovas. Apie istorinio regiono virsmą vaizduotės regionu // <http://goo.gl/yj037F>.

при этом соотносится с территорией расселения литовцев в Российской империи и упоминается уже в 1904–1905 гг.¹²⁷ Иногда, стремясь упорядочить ментальную географию литовской нации, этот регион определяли как “Запад Литвы” (раз существовал “Восток Литвы”).¹²⁸

“Запад Литвы” являл собой не менее проблемный регион, чем “Восток”: несмотря на более высокий уровень экономического развития края по сравнению с “Большой Литвой”, литовское национальное самосознание на западе было очень слабым, и сфера литовской культуры там постоянно сокращалась. Как образно выразился литовский активист Пятрас Римша (*Petras Rimša*): “Прусская Литва – экономическое зеркало нашего будущего. Мы же для Прусской Литвы – зеркало их национального будущего”.¹²⁹

Восточная Пруссия для лидеров литовского национального движения была важной территорией балтского ареала, местом создания литовской письменности, собственным “Пьемонтом”, откуда “Большая Литва” в конце XIX – начале XX в. получала книги, нелегально напечатанные на литовском языке латинским шрифтом.¹³⁰ Литовские интеллигенты считали, что объединение “Малой” и “Большой” Литвы позволит защитить проживавших в “Малой Литве” литовцев от проникновения немецкой культуры и стимулирует их национальное самосознание,¹³¹ а заодно предотвратит немецкое влияние на остальных литовцев.¹³² Наконец, эта территории должна была обеспечить Литве более широкий выход к Балтийскому морю (ограниченный иначе только узким отрезком побережья около Паланги).¹³³

¹²⁷ A. Adata [A. Macijauskas]. Pradinė geografija. [b. v.], 1905. P. 60; Draugas. 1904. No. 1. P. 1; 1905. No. 3. P. 97; Черновой вариант статьи П. Вишинскиса на русском языке // LLTI RS. F1-695, пагинация отсутствует; Письма П. Вишинскиса Ю. Шаулису // LLTI RS. F115-511. Письмо № 29, 15(28) августа 1905 г.

¹²⁸ Zigmas Žviksas. Mažoji Lietuva ir mes // Lietuvos žinios. 1914. No. 93. P. 1. Иногда встречающиеся достаточно странные или даже нелогичные названия этого региона могли появиться в результате недосмотра (“Vakarų Prūsai” // Там же) или в связи с идеей авторов о том, что термин “Малая Литва” может быть еще непривычен для читателя (“Mažoji Prūsų Lietuva”: A. Sm. [Antanas Smetona]. Karo ženkle gyvenant // Vairas. 1914. No. 14. P. 2.)

¹²⁹ Petras Rymša. Kelionės įspūdžiai // Lietuvos žinios. 1912. No. 115. Pp. 2-3.

¹³⁰ См., например, поэму Майрониса *Lietuva: Maironis. Raštai*. Т. II. Pp. 318, 320-321, 323.

¹³¹ M. M. Prūsų Lietuva // Lietuvos ūkininkas. 1914. No. 35. P. 327.

¹³² Zigmas Žviksas. Mažoji Lietuva ir mes // Lietuvos žinios. 1914. No. 93. P. 1.

¹³³ Dumos atstovo M. Yčo pasikalbėjimas // Lietuvos žinios. 1914. No. 164. P. 2; A. Sm. Karo ženkle gyvenant. P. 2.

Несмотря на то, что “Прусская Литва” мысленно помещалась внутри границ конструируемой Литвы, ее редко упоминали в литовских политических программах и не пытались уточнить ее границы. Все же актуальным контекстом проектирования литовской территориальной автономии являлась Российская империя, и не было практического смысла обсуждать территории, расположенные за ее границами. Политический вопрос о принадлежности Литве “Прусской (Малой) Литвы” начинает интенсивно подниматься с началом первой мировой войны (в тексте так называемой “Янтарной декларации”, в периодике),¹³⁴ когда возникают надежды на пересмотр европейских границ. Впрочем, уже в конце XIX – начале XX в. почти на всех составленных литовцами картах южная граница проектируемой Литвы практически всегда идентична – она упирается в Куршский залив все в той же юго-восточной точке “Прусской Литвы”.

ГРОДНЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Вопреки распространенному в литовской историографии представлению, претензии литовского национализма на территорию всей Гродненской губернии встречаются в источниках очень редко.¹³⁵ В частности, в уже упоминавшемся меморандуме, отправленном российским властям перед виленским сеймом, Гродненская губерния “по этнографическому виду” была отнесена к проектируемой автономной Литве.¹³⁶ Вероятно, и в этом случае мы имеем дело с желанием использовать понятные чиновникам категории. Исключением могут по-настоящему считаться только литовские социал-демократы, которые после объединения с конкурировавшей партией *PPS na Litwie*, в 1906–1907 гг., стали сознательно корректировать свои пространственные представления.

Как правило, в планы создания национальной Литвы включалась небольшая часть Гродненской губернии, хотя, за редким исключением, ее границы четко не оговаривались.¹³⁷ Обычно имелись в виду окрест-

¹³⁴ Lietuvių deklaracija // Viltis. 1914. No. 187. P. 1; Vilnius, rugpjūčio 27 d. // Viltis. 1914. No. 191. P. 1; Vilnius, rugpjūčio 31 d. // Viltis. 1914. No. 195. P. 1.

¹³⁵ J. Gabrys. Lietuva ir Lenkijos autonomija. P. 8.

¹³⁶ Motieka. Didysis Vilniaus seimas. Vilnius, 1996. P. 282.

¹³⁷ Neris [Petras Vileišis]. Trumpa geografija, arba Žemės aprašymas. Chicago, 1898. P. 46; Embė. Serbai-Lužiečiai ir Lietuviai // Tėvynės sargas. 1899. No. 3. Pp. 8-9; Liūdžius. Lietuvos etnografinių ribų klausimas. (Maskvos “Leidimo Komisijos” Susirinkimas) // Lietuvos žinios. 1914. No. 191. Pp. 1-2; Miknys. Lietuvos demokratų partija 1902–1915 metais. Pp. 199, 212. Друскеники включены в состав Литвы: Karas Lietuvoje // Lietuvos žinios. 1914. No. 163. P. 2.

ности Друскеников (современный Друскининкай),¹³⁸ но известны случаи, когда и Гродно рассматривался как часть Литвы.¹³⁹ На страницах “*Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*” в начале 1890-х гг. новости из Гродно иногда помещаются под рубрикой *Iš Lietuvos* (“Из Литвы”),¹⁴⁰ а иногда – *Iš svetur* (“Из-за рубежа”).¹⁴¹ С другой стороны, в одном тексте 1914 г. Гродненскую губернию вообще не включили в литовскую национальную территорию.¹⁴²

Отношение литовских национальных активистов к пространственному конструированию нации характеризует следующий эпизод. В 1906 г., приступив к подготовке “Карты Литвы и ее окраин” (*Lietuvos ir jos pakraščių žemėlapis*), авторы решили передавать географические названия согласно произношению местного населения и с этой целью разослали на места специальные анкеты – признавая, тем самым, что нациестроительство должно проводиться “снизу вверх”, а не путем навязывания готовой жесткой версии литовскости. В то же время, у них уже была готовая ментальная карта национальной литовской территории, потому что рассылались анкеты крайне избирательно. Так, в Виленскую, Ковенскую и Сувалкскую губернии анкеты отправляли,¹⁴³ а в Гродненскую губернию – нет.

ЛАТВИЯ

Публичное обсуждение вопроса о единстве литовцев и латышей было начато еще в газете “*Aušra*”.¹⁴⁴ Публикуемые в ней некоторые поэтические произведения, в которых говорится о единстве литовцев с латышами, создают впечатление, что территория расселения латышей – часть Литвы.¹⁴⁵ То же впечатление оставляет и поэма “Литва” Майрониса, одного из наиболее влиятельных литовских поэтов того

¹³⁸ Petronis. P. 262.

¹³⁹ Mečius. Trumpas žemės aprašymas. Pirmieji geografijos uždaviniai su apsakymėliais ir kitais pasiskaytymais. Vilnius, 1906. P. 34; [Jadvyga Juškytė]. Vaikų skaitymėliai su Lietuvos žemėlapiu. P. 240.

¹⁴⁰ *Isz Lietuvos // Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*. 1895. No. 11. P. 85.

¹⁴¹ *Isz svetur // Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*. 1892. No. 20. P. 159.

¹⁴² K. Gr. 1913 met. // *Lietuvos žinios*. 1914. No. 16. Pp. 1-2.

¹⁴³ *Atsišaukimas į visuomenę // Vilniaus žinios*. 1906. No. 104. P. 2.

¹⁴⁴ Dangiras Mačiulis. Jonas Šliūpas ir lietuvių-latvių vienybės idėja // *Acta Humanitarica Universitatis Saulensis. Mokslo darbai*. 2011. T. 12. P. 86. Об этой проблеме в первой половине XIX в. см.: Paulius Subačius. *Lietuvių tapatybės kalvė*. P. 77.

¹⁴⁵ *Veversys [M. Davainis Silvestraitis]. Musu rupesczei // Lietuviszkas “Auszrôs” kalendorius ... ant metų 1884*. Pp. 47-50.

времени, хотя в этом произведении говорится и о том, что у латышей есть другая (своя) родина.¹⁴⁶ В конце XIX в. в литовской печати латыши нередко включались в общее понятие литовцев,¹⁴⁷ а корреспонденции из разных городов Латвии (Риги, Лиепай, Елгавы) размещались под рубрикой *Iš Lietuvos* (в “*Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*”, “*Ūkininkas*”, “*Vargas*”, “*Viltis*”). Интенсивная дискуссия о “единстве с латышами” развернулась во время революции 1905 г.¹⁴⁸ В начале XX в. было опубликовано несколько карт, изображавших Литву и Латвию вместе.¹⁴⁹ Иногда северная граница Литвы проводилась по руслу Даугавы или, как уже было сказано, Даугава указывалась как самая широкая река Литвы.¹⁵⁰ Такой подход может создавать впечатление, что латыши – интегральная часть литовского народа (подобно жемайтам), а латышские земли входят в состав Литвы.

Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что встречающееся в литовских текстах, особенно в художественной литературе, представление об исторической территории расселения балтских племен как о едином пространстве не экстраполировалось на политическую программу литовского национального движения. В его программных документах обнаруживаются претензии лишь на часть Курляндской губернии – прежде всего Палангу и ее окрестности, т.е. на территорию, переданную в начале XIX в. из состава Виленской губернии.¹⁵¹ На публикуемых литовской интеллигенцией картах Паланга всегда включалась в территорию Литвы. Иногда как часть литовской территории упоминаются местность около Динабурга (современный Даугавпилс).¹⁵² И все-таки даже на упомянутых общих литовско-латыш-

¹⁴⁶ Maironis. Raštai. T. 2. Pp. 312-314.

¹⁴⁷ J. S. Anžuolaitis. *Iš Lietuvos // Auszra*. 1884. No. 7, 8. P. 275; Adomaitis-Szernas. *Geografija, arba Žemės apraszimas*. P. 423. В начале XX в. число латышей обычно не включается в общее приводимое число литовцев. Редкое исключение: A. Adata [A. Macijauskas]. *Pradinė geografija*. [b. v.], 1905. P. 60.

¹⁴⁸ Rimantas Miknys, Egidijus Motieka. *Tautiškoji lietuvių demokratų partija: idėjinės-politinės kūrimosi aplinkybės // LAIS*. T. 1: *Tautinės savimonės žadintojai: nuo asmens iki partijos*. Vilnius, 1990. P. 101.

¹⁴⁹ Petronis. Pp. 236, 245; J. Gabrys. *Geografijos vadovėlis skiriamas Lietuvos mokyklai*. P. 65.

¹⁵⁰ A. B. [Antanas Baranauskas]. *Tikri szirdies jausmai // Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*. 1892. No. 12. Pp. 92-93; Adomas Jaksztas [Aleksandras Dambrauskas]. *Rauda Lietuvos // Žemajčių ir Lietuvos apžvalga*. No. 19. P. 148.

¹⁵¹ Miknys. *Lietuvos demokratų partija 1902–1915 metais*. Pp. 199, 212.

¹⁵² *Ze spisu jednodniowego*. (gub. Wilenska). L. 1.

ских картах территории Латвии и Литвы графически разграничивались. Так, на уже упоминавшейся карте А. Мацеяускаса, изданной в 1900 г., Литву и Латвию различает интенсивность заполнения карты: плотность населенных пунктов на территории Литвы во много раз выше, чем плотность населенных пунктов, нанесенных на территории Латвии. На карте, изданной в 1910 г. Й. Габрисом (*J. Gabrys*), Латвию и Литву разделяет специальная линия, демонстрируя таким образом, что речь идет о двух различных национальных территориях.

Географический образ в процессе национализации масс

Литовская интеллигенция обладала довольно ограниченными средствами для распространения формирующегося географического образа Литвы в процессе национализации масс. Официальная школа, печать, армия не только не поддерживали распространение литовского национального восприятия территории, но и противились этому.¹⁵³ Туризм как средство “пространственной пропаганды” среди масс в условиях литовского преимущественно крестьянского общества имел крайне ограниченный характер (хотя на страницах литовской периодической печати встречались описания путешествий по Литве). Его отсутствие отчасти компенсировалось распространением паломничества: хотя оно и носило архаический и анациональный характер, однако, приводя массы людей, например, в Вильну (Вильнюс) как важный религиозный центр, паломничество делало пропаганду Вильнюса как будущей национальной столицы более наглядной и понятной. После революции 1905 г. литовские общества просвещения начали открывать свои школы, где преподавалась и география. Первые, сначала нелегальные, литовские учебники географии с картами появились только в самом конце XIX в. Некоторые учебники, например, написанные Ядвигой Юшките (*Jadviga Juškytė*) и Мячюсом (*Mečius*), использовались в дальнейшем для преподавания в литовской школе.¹⁵⁴

¹⁵³ Более половины тиража карты, изданной в 1900 г. в Санкт-Петербурге А. Мацеяускасом, было конфисковано в связи с тем, что карту издали с использованием запрещенного латинского шрифта: см. дело “Об уничтожении 1175 экземпляров карты литовских губерний, отпечатанной на литовском языке инженером технологом А. Мацевским” // РГИА. Ф. 777. Оп. 21. Ч. 1. Д. 463; R. Vėbra. *Lietuviškos spaudos draudimas 1864–1904 metais. Istorijos bruoža*. Vilnius, 1996. Pp. 199-200; Petronis. P. 237.

¹⁵⁴ Pukienė. *Lietuvių švietimo draugijos XX amžiaus pradžioje (1906–1915 metais)*. Pp. 47, 49-50.

Главную роль в повышении интенсивности коммуникации литовскоговорящей части общества в позднеимперский период играла периодическая печать, которая уточняла контуры новой национальной Литвы и пропагандировала эти пространственные представления среди читателей. Кроме программных текстов, не раз цитировавшихся в данной статье, не менее важную роль в формировании территориального образа Литвы в публичном дискурсе играли корреспонденции с мест, которые печатались в рубриках *Iš Lietuvos* (“Из Литвы”), *Iš svetur* (“Из-за рубежа”) и т.п. На первый взгляд, эти типичные газетные корреспонденции не несли и доли той идеологической нагрузки, которую несли политические манифесты или литературные произведения на патриотические темы. Однако печатавшиеся изо дня в день в постоянных рубриках сообщения подспудно прививали читателям представления о географической протяженности Литвы, ясно указывая, какие территории входят в конструируемую Литву, а какие остаются за ее пределами. Количество корреспонденций из ключевых для национального проекта точек могло ограничиваться таким тривиальным обстоятельством, как отсутствие авторов и даже читателей национальной прессы (что характерно, к примеру, для Вильнюса (Вильны) конца XIX в., поскольку там проживало очень мало активных представителей литовской интеллигенции). Это объективное ограничение компенсировалось сознательной редакционной политикой газет, выбиравших, под какой рубрикой размещать получаемые корреспонденции и тем самым активно очерчивать контуры создаваемой Литвы.

Нагляднее всего этот процесс пространственного конструирования с целью массового воздействия прослеживается при изучении географических карт, создававшихся литовскими интеллектуалами рубежа веков.¹⁵⁵ Так, на карте, изданной в 1898 г. и переизданной в 1899 г., название “Литва” оказывается расположенным выше надписи *Rossijos Ciesoriste* (Российская империя), формируя, таким образом, определенную иерархию.¹⁵⁶ А на карте Й. Габриса, изданной в 1910 г., вообще отсутствует упоминание о Российской империи.¹⁵⁷ Элементом символического завоевания пространства стало и написание топонимов и гидронимов на литовском языке. Использование определенного нацио-

¹⁵⁵ Детальное исследование этих карт было проведено Витаутасом Пятронисом: Petronis. Pp. 222-269.

¹⁵⁶ Neris [Petras Vileišis]. Trumpa geografija, arba Žemės apraszymas. Chicago, 1898. P. 102; Adomaitis-Šernas. Geografija, arba Žemės apraszymas. 1899. P. 427.

¹⁵⁷ Gabrys. Geografijos vadovėlis skiriamas Lietuvos mokyklai. P. 65.

нального языка при передаче названия какого-либо населенного пункта или реки становилось актом символического присвоения называемого объекта. Именно поэтому представители литовской интеллигенции настойчиво старались употреблять литовские названия топонимов конструируемой Литвы при издании карт и публикации материалов в периодической печати, что в мультикультурном регионе оказывалось нетривиальной задачей.¹⁵⁸ Так, во всех номерах издаваемой на польском языке и ориентированной на польскоязычную часть литовского общества газеты “Litwa” за 1908 г. на первой полосе публиковалась карта Литвы, все топонимы которой были подписаны на литовском языке. Уже упоминалась инициатива издателей “Карты Литвы и ее окраин” (*Lietuvos ir jos pakraščių žemėlapis*), которые в 1906 г. разослали литовцам, проживающим в самых разных регионах, анкету: информантов просили вписать напротив приведенных на русском языке топонимов соответствующие литовские названия.¹⁵⁹ Параллельно происходило уточнение и маркирование внешней границы Литвы как национальной территории (яркой линией по контуру или закрашиванием особым цветом всего очерчиваемого пространства), как это было сделано на картах Ядвиги Юшките (1898 и 1905) и Бонифациса Вербицкаса (1911).¹⁶⁰ Интересно, что обычно линия, отмечающая границы Литвы, была гораздо ярче линий, обозначающих границы государств. Этот визуальный эффект способствовал созданию иерархии понятий: границы конструируемой Литвы оказывались более важными по сравнению, скажем, с российско-германской границей.

¹⁵⁸ Эта тенденция четко прослеживается на материале всех карт. Хотя иногда встречаются и довольно странные решения публикаторов. Так, на упоминавшейся карте, изданной в 1898 г., Вильнюс, в отличие от других литовских городов, обозначен как *Wilne* – эта форму названия города трудно соотнести с формами названия Вильнюса в каком-либо из употреблявшихся на этой территории языков. См. так же: Rengiamas Lietuviszkasis Atlaselis // *Tėvynės sargas*. 1899. No. 2. Pp. 55-56; *Lietuviškas Atlasėlis // Ūkininkas*. 1899. No. 7. P. 111; Redakcija. Nuo “Vilniaus Žinių” redakcijos // *Vilniaus žinios*. 1905. No. 44. P. 1.

¹⁵⁹ Анкеты, высланные и полученные Кружком издателей карты Литвы: *Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius* (Библиотека Литовской академии наук имени Врублевских, Отдел рукописей; LMAVB RS). F 255-1239, 1241, 1242; *Atsišaukimas į visuomenę // Vilniaus žinios*. 1906. No. 104. P. 2; *Lietuvos žemėlapių leidėjų burelis // Vilniaus žinios*. 1906. No. 104. P. 2; *Vladas Mironas. Prie atsišaukimo į visuomenę dėlei Žemėlapių leidimo reikalų // Vilniaus žinios*. 1906. No. 115. P. 2; *Iš Vilniaus Lietuvių gyvenimo // Vilniaus žinios*. 1907. No. 21. P. 3.

¹⁶⁰ [Jadvyga Juškytė]. *Vaikų skaitymeliai su Lietuvos žemėlapiu*. Vilnius, 1905; Petronis. P. 262.

Все основные направления формирования территориального образа нации были тесно связаны между собой. Литовские национальные активисты прикладывали значительные усилия для пропаганды своих идей среди национализируемого населения. Публиковавшиеся в учебнике географии карты перепечатывались в газетах, расширяя круг потенциальных читателей,¹⁶¹ одновременно публиковалась реклама учебников географии. Так, например, учебник Пятраса Вилейшиса (*Petras Vileišis*), изданный в 1898 г., в том же году рекламировали издания “*Ūkininkas*” (Хозяин), “*Vienybė Lietuvininkų*” (Литовское единство), “*Lietuva*” (Литва), “*Tėvynės sargas*”; учебник Ядвиги Юшките 1905 г. и учебник с картой 1907 г. многократно рекламировали в “*Vilniaus žinios*”; изданная в 1911 г. карта Б. Вербицкаса исключительно интенсивно рекламировалась изданием “*Lietuvos žinios*”. В школах, основанных литовскими обществами просвещения, в процессе преподавания также использовались карты, но пока у нас нет сведений о том, какие именно.¹⁶² Примером эффективности этой пропагандистской деятельности может служить рассказ Пятраса Римши: в одной из своих поездок накануне первой мировой войны он встретил крестьянина, жившего недалеко от Запишкиса (*Zapyškis*, в 20 км от Каунаса), который не только подписывался на литовскую прессу, но и покупал карты Литвы.¹⁶³ Очевидно, что, будучи свидетельством успеха пропаганды литовской национальной идеи в крестьянской среде, эта история Римши сама была призвана служить рекламой национальной прессы и картографии, представив привлекательный пример для подражания.

* * *

В конце XIX – начале XX в. литовский национализм решал те же проблемы, что и многие другие национальные движения в Центральной и Восточной Европе. Одной из наиболее важных задач для недоминирующей национальной группы, не имеющей собственной государственности, являлось конструирование “географического тела”, т. е. формирование “своей” национальной территории через внутреннюю гомогенизацию и разграничение с соседними национальными территориями. Первую задачу литовская интеллигенция решила достаточно

¹⁶¹ Первая ежедневно выходившая в Вильнюсе литовская газета “*Vilniaus žinios*” перепечатала карту из учебника Я. Юшките: *Lietuvių kalbos ploto žemialapis // Vilniaus žinios*. 1905. No. 149. P. 3.

¹⁶² Pukienė. *Lietuvių švietimo draugijos XX amžiaus pradžioje* (1906–1915 metais). P. 51.

¹⁶³ Petras Rymša. *Iš kelionės po Lietuvą // Lietuvos žinios*. 1912. No. 115. Pp. 2-3.

успешно, редуцировав “Жемайтию” до диалектного и регионального уровня.

Вторая задача оказалась сложнее, но в начале XX в. мы уже видим довольно ясный образ воображаемой территории Литвы. В литовском дискурсе XX в. доминировала точка зрения, согласно которой современная Литва должна была состоять из территорий, большинство жителей которых составляло литовскоговорящее население. В силу специфики административного деления Российской империи, принципиально не совпадающего не только с границами компактного проживания этноконфессиональных групп, но и с историческими регионами, конструирование литовского национального пространства подразумевало объединение областей разных губерний и даже государств. В идеале, новая национальная Литва включала всю Ковенскую губернию, окрестности Паланги в Курляндской губернии, большую – северную – часть Сувалкской губернии, Друсkenики в Гродненской губернии, западную часть Виленской губернии, а также часть Восточной Пруссии. Как показывают данные, связанные с деятельностью литовских обществ просвещения в Российской империи, именно в этом ареале велась просветительская работа. Таким образом, опираясь на положения Анри Лефевра, мы можем говорить о том, что литовская пространственная практика (*spatial practice*) практически совпадала с пространственной репрезентацией (*representations of space*).

Основная проблема национальных движений Восточной Европы заключалась в необходимости дифференцировать старинное единство исторической “земли” (практически тождественное старому понятию “народа”) в соответствии с современным социальным воображением и выработать практику, направленную на национализацию территории, этнической группы, культурно-языкового сообщества и политического объединения, а затем синтезировать из этих компонентов современную политическую нацию. Историческая земля зачастую оказывалась разделенной современными административными и даже политическими границами и не совпадающей с ареалом компактного проживания культурно-языковой группы, политическому объединению которой препятствовали существующие государственные режимы континентальных империй.

Это структурное противоречие в полной мере проявило себя в стремлении литовского национального движения создать территориальную автономию в составе Российской империи, а впоследствии – национальное государство, в котором литовцы были бы титульной нацией.

Следуя дискурсу европейского национализма с его историцистским восприятием нации как основного субъекта исторического процесса, преодолевающего сопротивление исторических врагов на пути к своей исторической миссии, идея “Малой Литвы” означала не просто часть литовского “геотела”, но и форпост сопротивления вековой немецкой экспансии (заодно расширяя для конструируемой Литвы выход к Балтийскому морю). Но “историософское” обоснование литовской нации входило в противоречие с практическими соображениями, обусловленными демографическими и политическими реалиями. Европейский националистический канон считал легитимным и устойчивым национальное государство, если большинство населения составляла “титульная нация”.¹⁶⁴ С этой точки зрения территория Литвы должна была быть ограничена таким образом, чтобы проживающее на ней нелитовское население не создавало угрозы доминирующей роли этнических литовцев. Хотя декларировалось равенство перед законом всех жителей будущей Литвы, представителям других национальностей был уготован статус меньшинств.¹⁶⁵ Именно для этого определялись границы “ядра” и “окраин” Литвы и тщательно взвешивалось их соотношение (даже с учетом “спящих” литовцев).

Исторические аргументы, с одной стороны, служили обоснованием “исторического” характера литовской нации и оправданием претензий на Вильнюс как древнюю “национальную” столицу. С другой, огромная территория бывшего ВКЛ не оставляла литовцам шанса на роль титульной нации в этих границах, поэтому достаточно было символического упоминания Литвы в названии славного государства прошлого, создающего прецедент для создания современного литовского национального государства. Провозглашение Вильнюса национальной столицей должно было наглядно символизировать историческую пре-

¹⁶⁴ Термин приписывается французскому писателю и националистическому политику Морису Барресу (*Maurice Barrès*, 1862–1923), который начал свою политическую карьеру в 1889 г. под лозунгом “национализм, протекционизм и социализм”. Оппонент “конструктивиста” Ренана, он был одним из главных популяризаторов идеи этнической нации во Франции (и самого термина национализм). Robert Soucy. *Barres and Fascism // French Historical Studies*. 1967. Vol. 5. No. 1. Pp. 67-97; Zeev Sternhell. *National Socialism and Antisemitism: The Case of Maurice Barres // Journal of Contemporary History*. 1973. Vol. 8. No. 4. Pp. 47-66; и особенно Brigitte Krulic. *Le peuple chez Maurice Barrès: une entité insaisissable entre unité et diversité // Revue Sens Public*. 2007. Février. Pp. 2-13.

¹⁶⁵ Что можно ясно проследить и в программе ЛДП, где, например, говорится о фактически государственном статусе литовского языка.

емственность с ВКЛ. Правда, для достижения этой цели еще предстояло национализировать Вильнюс и округу.

Еще больше трудностей, чем с территорией, возникало с переосмыслением разных групп литовцев – региональных, социальных, лингвистических, конфессиональных – в унифицированных категориях современной нации. Отсутствие легальной возможности политической самоорганизации, необходимость выделиться из общего (и отнюдь не федералистского) политического пространства Российской империи, а также преобладание этнического национализма в успешных национальных государствах Западной Европы и в Северной Америке предопределили фиксацию литовского национализма на культурных критериях групповой солидарности. Но и по культурному признаку объединение в нацию было непростым делом. Самым очевидным и статистически (“научно”) подтверждаемым критерием принадлежности местного населения к литовской нации был родной язык. Даже если признать существенные лингвистические различия диалектными внутри общего языка (как в случае жемайтов), лишь на севере проектируемой национальной Литвы лингвистическая граница совпадала с административной и была относительно четкой на юге. Для определения территориальной границы на востоке уже приходилось прибегать к “этнографическому” принципу, т.е. литовской территорией считалась та, где большинство жителей были литовцами по происхождению.¹⁶⁶ Этим критерием было уже не так удобно оперировать в политических целях: установление “этнографической принадлежности” требовало проведения специальных исследований, результаты которых могли оказаться менее однозначными, чем опрос населения о родном языке.

¹⁶⁶ “Этнографический” аргумент обретал особое значение в противостоянии польскому национальному проекту, который в большинстве случаев объявлял “польскими” все земли бывшего Польско-Литовского содружества. Так как этого государства больше не существовало, то претензии на территорию обосновывались превосходством польской цивилизации, под влиянием которой якобы всегда находилась Литва. (См.: Alexandra Schweiger. *Polens Zukunft liegt im Osten. Polnische Ostkonzepte der späten Teilungszeit (1890–1918)*. Marburg, 2014. S. 35, 40, 91, 158, 162). В ответ литовские национальные активисты пытались ограничить права на представляемые литовскими земли этническим происхождением, отрицая (в данном случае) легитимность любых историко-культурных аргументов. Эта позиция очень напоминает описанную Норбертом Элиасом реакцию немецкоязычного третьего сословия в конце XVIII века на франкоязычный дискурс превосходства французской цивилизации. Norbert Elias. *Przemiany obyczajów w cywilizacji Zachodu*. Warszawa, 1980. S. 10, 41-45.

Проводя границу по этнографическому признаку, литовские деятели основывались как на своих собственных наблюдениях, так и на более ранних этнографических исследованиях и картах – тех, которые не противоречили желаемым результатам. Так, национальные активисты предпочитали игнорировать фундаментальную “Этнографическую карту Европейской России”, составленную по поручению Императорского Русского Географического общества Александром Риттихом. На этой масштабной карте, где разными цветами обозначалось территориальное размещение 46 народов, Вильнюс с окрестностями не оказался включенным в границы проживания литовцев.¹⁶⁷ При этом литовская интеллигенция надеялась со временем “возвратить” часть населения “окраин” в литовскую нацию и по формальному (культурному) признаку.

Таким образом, к началу первой мировой войны активисты литовского национального движения сформировали пространственный образ Литвы как территориальной основы современной нации. Комбинируя разные критерии и стратегии национализации (лингвистические, этнографические, исторические и политические), им удалось за несколько десятилетий переосмыслить прежнее представление о литовскости, описывая его модерным языком горизонтальной солидарности гомогенной нации. Оставалось дожидаться благоприятных исторических обстоятельств, чтобы из культурного проекта и социального движения литовская нация превратилась в политическую реальность.

SUMMARY

The article studies the contested process of construing a new geographic image of Lithuania as a national territory (rather than a historical land) at the turn of the twentieth century. Different approaches to defining Lithuanians as a nation begot alternative visions of the boundaries of their national territory. The author distinguishes two principal aspects of this process. First, by manipulating the boundaries of historical lands, modern-day administrative units, and linguistic groups, Lithuanian national activists carved the future national territory in such a way as to secure the dominant position for ethnically defined Lithuanians. Second, they were determined to include Vilnius (which at the time has only a tiny minority of Lithuanians among

¹⁶⁷ Petronis. P. 217.

its population) in the future national territory. The historical capital of the medieval and Early Modern Grand Duchy of Lithuania, Vilnius was seen as a symbolic link to the glorious past and vivid proof of the “historical” nature of the emerging new Lithuanian nation. There was also a political significance for claiming Vilnius as Lithuanian: the much more powerful Polish nationalism claimed the entire territory of the former Grand Duchy of Lithuania as part of the Polish national territory, so the Lithuanianization of Vilnius was seen as a way to undermine these historical claims with very practical implications.

BIBLIOGRAPHY

Adomaitis-Šernas, Juozas. *Geografija, arba Žemės apraszymas*, 1899.

Anžuolaitis, J. S. *Isz Lietuvos // Auszra*. 1884. No. 7, 8. P. 275.

Aškaitis, Prans. *Pasirodžius “žemėlapiui” pono Maciejevskio // Varpas*. 1900. No. 7. P. 83.

Atsišaukimas į visuomenę // *Vilniaus žinios*. 1906. No. 104. P. 2.

Atstovo A. Bulotos kalba, pasakyta svarstant klausimą apie Cholmijos išskyrimą, sausio 13 d. // *Lietuvos žinios*. 1912. No. 13. Pp. 1-2; No. 14. P. 2; No. 15. P. 1.

Bachmann-Medick, Doris. *Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. Reinbek, Hamburg and Berlin, 2007.

Balkelis, Tomas. *The Making of Modern Lithuania*. London and New York, 2009.

A. B. [Baranauskas, Antanas]. *Tikri szirdies jausmai // Žemajczių ir Lietuvos apžvalga*. 1892. No. 12. Pp. 92-93.

Basanavičius, Jonas. *Apie Suvalkiškių lietuvių dalykus // Viltis*. 1909. No. 103. P. 2; 104. P. 2.

— *Iš lenkiškai-lietuviškų prietikių // Šviesa*. 1906. No. 5. Pp. 74-78.

Bassenowicz, Jon's. *Rubežej ir skajtlus Lietuwių tautôs // Beilage zu Nro. 17 des Naujasis Keleiwis*. 1880. 23.07. P. 103.

Bendraitis. *Naujiejji rinkimų įstatymai // Žarija*. 1907. No. 2. Pp. 18-21.

Bielinis, Kipras. *1905 metai. Atsiminimai ir dokumentai*. Kaunas, 1931.

— *Penktieji metai. Revoliucinio sąjūdžio slinktis ir padariniai*. New York, 1959.

Billig, Michael. *Banal Nationalism*. London, 1995.

Broliai lietuviai-žemaičiai! // Viltis. 1914. No. 255. P. 1.

Brubaker, Rogers. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, MA. 1994.

Buchowski, Krzysztof. Litwomani i polonizatorzy. Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku. Białystok, 2006.

Veversys [Davainis-Silvestraitis, Mečislovas]. Musu rupesczei // Lietuvos žinios "Auszrōs" kalendorius ant metų 1884. Pp. 47-50.

Dėl Suvalkų gubernijos // Viltis. 1909. No. 73. P. 1; No. 74. Pp. 1-2; No. 75. P. 1

Demm, Eberhard und Nikolajew, Christina (Hgs.). Auf Wache für die Nation. Erinnerungen. Der Weltkriegsagent Juozas Gabrys berichtet (1911–1918. Frankfurt am Main, 2013.

Draugėj, ar išsiskyrus? // Viltis. 1909. No. 64. P. 1.

Dumos atstovo M. Yčo pasikalbėjimas // Lietuvos žinios. 1914. No. 164. P. 2.

Elias, Norbert. Przemiany obyczajów w cywilizacji Zachodu. Warszawa, 1980.

Embė. Serbai-Lužiečiai ir Lietuviai // Tėvynės sargas. 1899. No. 3. Pp. 4-11.

Gabrys, Juozas. Geografijos vadovėlis skiriamas Lietuvos mokyklai. Tilsit & Paris, 1910.

— Lietuva ir Lenkijos autonomija. Ar gali but Lietuva priskirta prie autonominės Lenkijos?, Liuosas "Išėivių Draugo" vertimas iš anglų kalbos ("The British Review", February, 1915), Spauda "Išėivių Draugo". Bellshill, Scotland, 1915

Gehrke, Roland. Der polnische Westgedanke bis zur Wiedererrichtung des polnischen Staates nach Ende der Ersten Weltkrieges. Genese und Begründung polnischer Gebietsansprüche gegenüber Deutschland im Zeitalter des europäischen Nationalismus. Marburg, 2001.

Gimžauskas, Edmundas. Pirmasis pasaulinis – didysis "tautų vadavimo" karas. Ką jis reiškė Lietuvai? // Lietuvos istorija. 2013. T. X. No. 1. Pp. 23-41.

Gira, Liudas. Iš visų pastangų rūpinkimės Vilniaus gub. lietuviais // Viltis. 1910. No. 149. P. 1.

— Lietuviių susivažiavimas Vilniuje // Vilniaus žinios. 1905. No. 275. P. 1.

— Mūsų rytai ir vakarai // Viltis. 1913. No. 2. P. 1.

gk. Tautų rytojūn bežiūrint // Lietuvos žinios. 1914. No. 171. P. 1.

K. Gr.[Grinius, Kazys]. 1913 met. // Lietuvos žinios. 1914. No. 16. P. 1.

L. V-kas [Grinius, Kazys]. Apie šalies neprigulmybę // Varpas. 1914. No. 3. Pp. 99-105.

Harley, J. Brian. Maps, Knowledge, and Power // Denis Cosgrove and Stephen Daniels (Eds.). The Iconography of Landscape. Essays on the Sym-

bolic Representation, Design and Use of Past Environments. Cambridge, 1988. Pp. 277-312.

Haslinger, Peter. Nation und Territorium im tschechischen politischen Diskurs 1880–1938. München, 2010.

Iks. Dar apie Suvalkų gubernijos atskyrimą // Viltis. 1909. No. 99. Pp. 1-2.

— Dėl Suvalkų gubernijos atskyrimo // Viltis. 1909. No. 62. P. 1.

Iš laikraščių // Lietuvos žinios. 1909. No. 1. P. 2.

Iš laikraščių // Lietuvos žinios. 1909. No. 8. P. 2.

J. M. Quousque tandem... // Varpas. 1891. No. 5. P. 69.

Iš Vilniaus Lietuvių gyvenimo // Vilniaus žinios. 1907. No. 21. P. 3.

Isz Lietuvos // Žemajczių ir Lietuwos apžvalga. 1893. No. 1. Pp. 5-6.

Isz Lietuvos // Žemajczių ir Lietuwos apžvalga. 1895. No. 11. P. 85.

Isz svetur // Žemajczių ir Lietuwos apžvalga. 1892. No. 20. P. 159.

A. J. [Jakštas, Adomas – Aleksandras Dambrauskas]. Keletas žodžių apie lietuvius, jų padėjimą ir jų reikašus // Tėvynės sargas. 1897. No. 9. Pp. 1-5.

Jaksztas, Adomas [Aleksandras Dambrauskas]. Rauda Lietuvos // Žemajczių ir Lietuwos apžvalga. 1892. No. 19. P. 148.

Dėdė [Jurgaitis, Marcijonas Povilas]. Kas tai yra lietuvei ir kas žemaiczei? // Žemajczių ir Lietuwos apžvalga. 1896. No. 7. Pp. 52-53.

[Juškýtė, Jadvyga]. Vaikų skaitymeliai su Lietuvos žemėlapiu. Vilnius, 1905.

K. Lietuvių kalbos ribos 1900 m. // Lietuvos žinios. 1910. No. 94. P. 2.

Kalnius, Petras. Žemaičiai. XX a. – XXI a. pradžia. Vilnius, 2012.

Ką mums Maskoliai žada // Ūkininkas. 1893. No. 4. Pp. 25-26.

Kaplan David H. and Herb, Guntram H. How Geography Shapes // National Identities. 2011. Vol. 13. No. 4. Pp. 349-360.

Karas Lietuvoje // Lietuvos žinios. 1914. No. 163. P. 2.

Karuža, V. Savyvalda Lenkijoje // Vilniaus žinios. 1906. No. 245. P. 1.

Kg. Keletas žodžių delei “L. Ukininko” Žemlapio // Lietuvos žinios. 1911. No. 102. P. 1.

— Vilniaus gubernijos lietuvių kalbos ribos // Lietuvos žinios. 1910. No. 89. Pp. 1-2.

Klimaitis, Pranas. Didysis Vilniaus Seimas // Židinyš. 1931. No. 2. Pp. 146-160.

Kotenko, Anton. The Ukrainian Project in Search of National Space, 1861–1914 / PhD dissertation; Central European University, Budapest, 2013.

Krulic, Brigitte. Le peuple chez Maurice Barrès: une entité insaisissable entre unité et diversité // Revue Sens Public. 2007. Février. Pp. 2-13.

Kulakauskas, Antanas. Apie tautinio atgimimo sąvoką, tautinių sąjūdžių epochą ir lietuvių tautinį atgimimą // *Lietuvių atgimimo istorijos studijos*. T. 1: Tautinės savimonės žadintojai: nuo asmens iki partijos. Vilnius, 1990. Pp. 132-142.

L.S.D.P su S.D.P.L. (buvusiąja Lietuvos P.P.S.) susidėjimo sumanymas // *Lietuvos socialdemokratų partijos žinios*. 1906. No. 1. Pp. 5-7.

Laurinavičius, Česlovas. Moderniųjų lietuvių raida nuo kalbinės link teritorinės bendruomenės // *Epochas jungiantis nacionalizmas: tautos (de) konstravimas tarpukario, sovietmečio ir posovietmečio Lietuvoje* / Sud. Č. Laurinavičius. Vilnius, 2013. Pp. 13-55.

— Lietuvos-Sovietų Rusijos taikos sutartis (1920 m. liepos 12 d. sutarties problema). Vilnius, 1992.

Lietuva // *Vilniaus žinios*. 1906. No. 165. P. 1.

Lietuviai miestuose // *Tėvynės sargas*. 1899. No. 10. Pp. 21-23.

Lietuviškas Atlasėlis // *Ūkininkas*. 1899. No. 7. P. 111.

Lietuvių deklaracija // *Viltis*. 1914. No. 187. P. 1.

Lietuvių kalbos ploto žemialapis // *Vilniaus žinios*. 1905. No. 149. P. 3.

Lietuvių Krikščionių Demokratų susivienijimo programo projektas // *Draugija*. 1907. No. 1. Pp. 68-80.

Lietuvos socialdemokratų-atstovų kuopos laiškas // *Skardas*. 1907. No. 9. P. 129.

Lietuvos žemėlapių leidėjų burelis // *Vilniaus žinios*. 1906. No. 104. P. 2.

Litauische Mundarten gesammelt von A. Baranowski. Bd. 1: Aus dem webereschen Nachlass / Hg. von Franz Specht. Leipzig, 1920.

Liūdžius. Lietuvos etnografinių ribų klausimas. (Maskvos “Leidimo Komisijos” Susirinkimas) // *Lietuvos žinios*. 1914. No. 191. Pp. 1-2.

M. M. Prūsų Lietuva // *Lietuvos ūkininkas*. 1914. No. 35. Pp. 326-327.

A. Adata [Macijauskas, Antanas]. Pradinė geografija. N.p., 1905.

Mačiulis, Dangiras. Jonas Šliūpas ir lietuvių-latvių vienybės idėja // *Acta Humanitarica Universitatis Saulensis*. Mokslo darbai. 2011. T. 12. Pp. 83-98.

Maironis. Raštai. T. 2. Vilnius, 1988.

Mažosios, Truputis. Lietuvos statistikos // *Viltis*. 1914. No. 192. P. 2.

Mečius, S. Trumpas žemės aprašymas. Pirmieji geografijos uždaviniai su apsakymėliais ir kitais pasiskaitymais. Vilnius, 1906.

Merkys, Vytautas. Lietuvos socialdemokratų ir nacionalinio išsivadavimo judėjimas (ligi 1904 m.) // *Mintys apie Lietuvos komunistų partijos kelią* / Ed. A. Eidintas, V. Kašauskienė, V. Pšibilskis. Vilnius, 1989. Pp. 4-22.

Miknys, Rimantas. Lietuvos demokratų partija 1902–1915 metais. Vilnius, 1995.

— Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos valstybingumo tradicija lietuvių tautinio judėjimo politinėje programoje (teorinis ir praktinis aspektai) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai / Ed. A. Bumblauskas, Grigorijus Potašenko. Vilnius, 2009. Pp. 117-143.

— Vilniaus autonomistai ir jų 1904–1905 m. Lietuvos politinės autonomijos projektai // Lietuvių Atgimimo istorijos studijos. T. 3: Lietuvos valstybės idėja (XIX a. – XX a. pradžia). Vilnius, 1991. Pp. 173-198.

— Vilnius and the Problem of Modern Lithuanian Statehood in the Early Twentieth Century // Lithuanian Historical Studies. 1997. Vol. 2. Pp. 108-120.

— and Motieka, Egidijus. Tautiškoji lietuvių demokratų partija: idėjinės-politinės kūrimosi aplinkybės // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. T. 1: Tautinės savimonės žadintojai: nuo asmens iki partijos. Vilnius, 1990. Pp. 80-125.

— und Staliūnas, Darius. Das Dilemma der Grenzen Litauens am Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts // Y. Varpio und M. Zadencka (Hgs.). Landschaft und Territorium. Zur Literatur, Kunst und Geschichte des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts im Ostseeraum: Finnland, Estland, Lettland, Litauen und Polen. Stockholm, 2004. Pp. 196-215.

Parplis [Mikšas, Jurgis]. Isz Lietuvos // Aušra. 1883. No. 8, 9, 10. Pp. 289-290.

Mironas, Vladas. Prie atsišaukimo į visuomenę dėlei Žemėlapio leidimo reikalų // Vilniaus žinios. 1906. No. 115. P. 2.

A. Lietuvis [Moravskis, Alfonsas]. Lietuvos darbininkų judėjimo istorija sąryšy su Lietuvos valstybės atgimimo judėjimu. Pirmas dešimtmetis: 1892–1902 m. m. // Kultūra. 1931. No. 4. Pp. 193-201.

Motieka, Egidijus. Didysis Vilniaus seimas. Vilnius, 1996.

Mus užmiršo: dūkime apie savę žinią! // Žemajczių ir Lietuwas apžvalga, 1895. No. 13. Pp. 97-98.

Mūsų reikalavimai // Ūkininkas. 1905. No. 6. Pp. 141-149.

Naujos kilpos // Ūkininkas. 1891. No. 9. Pp. 386-390.

P. R. Rytai vis tirpsta... // Lietuvos žinios. 1914. No. 82. P. 1.

Paparonis. Lietuvos reikalai ir reikalavimai // Viltis. 1914. No. 247. P. 1.

Partijos konferencija (Rugsėjo 14–19 d. 1906) // Lietuvos socialdemokratu partijos žinios. 1906. No. 1. Pp. 5-7.

Pašeimeniškis. Rašykime į rusų laikraščius apie save ir apie dabartinius Lietuvos vargus // Viltis. 1914. No. 225. P. 1.

Šatrijos Ragana [Pečkauskaitė, Marija]. Apie Tėvynę // Tėvynės sargas. 1903. No. 7-8a. Pp. 12-24.

Petronis, Vytautas. *Constructing Lithuania: Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914*. Stockholm, 2007.

Pilyps. *Autonomija ar savivalda* // *Vilniaus žinios*. 1907. No. 41. P. 1.

Pukienė, Vida. *Lietuvių švietimo draugijos XX amžiaus pradžioje (1906–1915 metais)*. Vilnius, 1994.

Redakcija. Nuo “*Vilniaus Žinių*” redakcijos // *Vilniaus žinios*. 1905. No. 44. P.1.

Rengiamas *Lietuvizkasis Atlaselis* // *Tėvynės sargas*. 1899. No. 2. Pp. 55-56.

Rymša, Petras. *Kelionės įspūdžiai* // *Lietuvos žinios*. 1912. No. 115. Pp. 2-3.

Safronovas, Vasilijus. *Apie istorinio regiono virsmą vaizduotės regionu*, http://www.istorijoszurnalas.lt/index.php?option=com_content&view=article&id=450&Itemid=433.

Said, Edward. *Orientalism*. New York, 1979.

Schenk, Frithjof Benjamin. *Mental Maps: Die Konstruktion von geographischen Räumen in Europa seit der Aufklärung* // *Geschichte und Gesellschaft: Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft*. 2002. Bd. 28. Pp. 493-514.

— *Der “spatial turn” und die Osteuropäische Geschichte* // *H-Soz-Kult*. 01.06.2006. <http://www.hsozkult.de/article/id/artikel-736>.

Schmidt, Christian. *Henri Lefebvre’s Theory of the Production of Space: Towards a Three-dimensional Dialectic* // *Kanishka Goonewardena, Stefan Kipfer, Richard Milgrom, Christian Schmidt (Eds.). Space, Difference, Everyday Life. Reading Henri Lefebvre*. New York and London, 2008. Pp. 27-45.

Schmitt, Helen. *No Border, No Nation? Raumkonzepte im Nationalisierungsprozess von Letten und Finnen* // *Neues Osteuropa*. 2010. H. 1. Pp. 9-25

Schweiger, Alexandra. *Polens Zukunft liegt im Osten. Polnische Ostkonzepte der späten Teilungszeit (1890–1918)*. Marburg, 2014.

Seegel, Steven. *Mapping Europe’s Borderlands. Russian Cartography in the Age of Empire*. Chicago, 2012.

Senis. *Mūsų kalendoriai* // *Vilniaus žinios*. 1905. No. 22. P. 3.

Šis-tas apie Lenkų Socijalistų Partiją // *Darbininkų balsas*. 1905. No. 6. Pp. 175-178.

J. Szl. [Šliūpas, Jonas]. *Lietuviai kitą gadinę ir szendien* // *Aušra*. 1883. No. 8, 9, 10, Pp. 222-231.

A. Sm. [Smetona, Antanas]. *Karo ženkle gyvenant* // *Vairas*. 1914. No. 14. Pp. 2-3.

A. Sm. [Smetona, Antanas] *Lietuvos etnografijos ribos* // *Vairas*. 1914.

No. 16. Pp. 2-8.

Smetona, Antanas. Lietuvio žymės // *Viltis*. 1912. No. 136. P. 1.

A. Sm. [Antanas Smetona]. Skaitmenų šviesoje // *Vairas*. 1915. No. 2. Pp. 23-26.

Soucy, Robert. Barres and Fascism // *French Historical Studies*. 1967. Vol. 5. No. 1. Pp. 67-97.

Speičytė, Brigita. Anapus ribos. Maironis ir istorinė Lietuva. Vilnius, 2012.

Kunigas Stasys [Stakelė, Stanislovas]. Liaukimės klaidinė! // *Vilniaus žinios*. 1907. No. 119. Pp. 1-2.

Staliūnas, Darius. About Some Dissertations Devoted to the Lithuanian National Movement Defended at Foreign Educational Institutions // *Lithuanian Historical Studies*. 2012. Vol. 17. Vilnius, 2013. Pp. 169-185.

— Lietuvos idėja “Aušroje” // *Archivum Lithuanicum*. 2013. No. 15. Pp. 271-292.

— Making a National Capital out of a Multithnic City // *Ab Imperio*. 2014. Vol. 15. No. 1. Pp. 157-175.

Stanislovo Railos 1875 m. sausio 12 d. laiškas Nikodemui Venckavičiui-Baukui // *Mūsų senovė*. 1938. No. 3(8). Pp. 501-503.

Sternhell, Zeev. National Socialism and Antisemitism: The Case of Maurice Barres // *Journal of Contemporary History*. 1973. Vol. 8. No. 4. Pp. 47-66.

Subačius, Giedrius. Žemaičių mąstymo apie bendrinę kalbą istorijos metmenys // *Metmenys*. No. 72. Chicago, 1997. Pp. 125-148.

Subačius, Paulius. Antanas Baranauskas. Gyvenimo tekstas ir tekstų gyvenimai. Vilnius, 2009.

— Antanas Baranauskas apie žemaitišką ir lietuvišką tapatybę // *Žemaičių istorijos virsmas iš 750 metų perspektyvos*. Vilnius, 2004. Pp. 183-189.

— Lietuvių tapatybės kalvė. Tautinio išsivadavimo kultūra. Vilnius, 1999. *Suvalkiečių atydai* // *Vilniaus žinios*. 1907. No. 45. P. 2.

Tautiškosios lietuvių demokratų partijos programos projektas // *Lietuvių atgimimo istorijos studijos*. T. 1: Tautinės savimones žadintojai: nuo asmens iki partijos. Vilnius, 1990. Pp. 184-199.

Todorova, Maria. Der Balkan als Analysekatgorie: Grenzen, Raum, Zeit // *Geschichte und Gesellschaft*. 2002. Bd. 28. H. 3. Pp. 470-492.

Vaižgantas [Tumas, Juozas]. Liudna istorija Rytų Lietuvos // *Tėvynės sargas*. 1897. No. 12. Pp. 1-16.

Uždūtis mūsų mergelių ir moterelių // *Žemajęzių ir Lietuvos apžvalga*. 1893. No. 17. Pp. 119-120.

- Vėbra, Rimantas. Lietuviškos spaudos draudimas 1864–1904 metais. Istorijos bruožai. Vilnius, 1996.
- Vegis, V. Lietuvos ir Žemaičių kalendorius 1905 metams. Riga, 1904.
- Venckienė, Jurgita. Dvejopa XIX a. pabaigos lietuviškų laikraščių rašyba // Raidžių draudimo metai / Sud. Darius Staliūnas. Vilnius, 2004. Pp. 207-212.
- Neris [Vileišis, Petras]. Trumpa geografija, arba Žemės aprašymas. Chicago, 1898.
- Vilnius, 21 gr. // Vilniaus žinios. 1904. No. 12. P. 1.
- Vilnius, rugpiučio 27 d. // Viltis. 1914. No. 191. P. 1.
- Vilnius, rugpiučio 31 d. // Viltis. 1914. No. 195. P. 1.
- Vilnius, sausio 25 d. // Lietuvis. 1907. No. 3. Pp. 3-38.
- Višinskis, Povilas. Antropologinė žemaičių charakteristika / Sud. Gintautas Česnys. Vilnius, 2004.
- Demokratas [Višinskis, Povilas]. Demokrato balsas // Varpas. 1905. No. 9-10. Pp. 90-91.
- Wasilewski, Leon. Litwa i Białoruś. Przeszłość-teraźniejszość-tendencje rozwojowe. Kraków, 1912.
- Współdziałanie czy walka? // Gazeta wileńska. 1906. No. 87.
- Winichakul, Thongchai. Siam Mapped. A History of the Geo-Body of a Nation. Honolulu, 1994.
- Wolff, Larry. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994.
- Zahra, Tara. Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis // Slavic Review. 2010. Vol. 69. No. 1. Pp. 93-119.
- Žaltauskaitė, Vilma. Apie lietuviybės idėją kunigo Juozo Tumo-Vaižganto pažiūrose. Iki 1904 metų // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. T. 8: Asmuo tarp tautos ir valstybės. Vilnius, 1996. Pp. 248-260.
- Zonis, P. Lietuvos autonomija ir lietuviai-rytiečiai // Vilniaus žinios. 1906. No. 277. Pp. 1-2.
- Žvaigždės bazaro ir lioterijos komitetas // Užprašymas. Riga, 1911.
- Žviksas, Zigmas. Mažoji Lietuva ir mes // Lietuvos žinios. 1914. No. 93. P. 1.

ARCHIVES

Library of the Lithuanian Academy of Sciences, Department of Manuscripts (Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius). F. 255-1239, 1241, 1242.

Lithuanian Special Archives (Lietuvos ypatingasis archyvas) F. 3377. Ap. 38. B. 53.

Lithuanian State Historical Archive (Lietuvos valstybės istorijos archyvas). F. 378. BS. 1905. B. 406.

Manuscripts Division, Institute of Lithuanian Literature and Folklore (Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Rankraščių skyrius). F. F1-695. 1–697. 1-704. 115-511.

Russian State Historical Archive. F. 777. Op. 21. Ch. 1. D. 463. F. 1284. Op. 187. D. 88.

State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 102. Osobyi otdel, 1914 g. D. 149L.